

Гелий-3

Автор:

Ярослав Гжендович

Гелий-3

Ярослав Гжендович

Звезды научной фантастики

2058 год. Это мир, в котором омнифоны заменили собой любые социальные связи, где ролики из МегаНета покончили с медиаресурсами и культурой, дополненная реальность вытеснила настоящую, а место журналистов заняли ивентщики, обыкновенные люди, которые снимают все вокруг в надежде заполучить эффектную и скандальную запись. Это мир, в котором любой полет на самолете намеренно превращен в настоящий ад, в котором Европа живет по заветам доктрин «добровольной бедности» и «тотальной прозрачности», а любой поход в магазин грозит штрафом за нарушение положений об ответственном потреблении. Как и все ивентщики, Норберт занимается поиском сюжетов, но, в отличие от многих, он до сих пор верит, что люди на Земле хотят знать правду, а не просто пощекотать себе нервы. Он попадает в самые горячие точки мира, некоторые из которых оказываются рядом с его собственным домом. Поиски истины заведут его даже в космос, и постепенно перед Норбертом предстанет истинное обличье нового будущего, и эта картина перевернет его мир навсегда.

Ярослав Гжендович

Гелий-3

Jaroslav J. Grzedowicz

HEL

Публикуется с разрешения автора и при содействии Владимира Аренева и Сергея Легезы

Перевод с польского: Кирилл Плешков

В оформлении обложки использована иллюстрация Dark Crayon

Дизайн обложки: Марина Акинина

Серия «Звезды научной фантастики»

Copyright © 2017 by Jaroslaw J. Grzedowicz

© Кирилл Плешков, перевод, 2020

© Dark Crayon, ilustracje, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Эта книга, как и все остальные, многим обязана весьма немалому числу людей, но особой благодарности заслуживает доктор Лешек П. Блашкевич из Варминско-Мазурского университета, который взглянул на нее с точки зрения

человека, разбирающегося в космосе, астронавтике и астрофизике, и дал ряд бесценных советов автору, не обладавшему большими познаниями в данной области. Всем тем, что выглядит в этом отношении правдоподобным и возможным, «Гелий-3» обязан ему; что же касается неизбежных ошибок и нелепостей, то вина за них лежит исключительно на авторе, который не догадывался, что чего-то не знает, и не задал соответствующий вопрос.

Мы – небо для Луны.

Джордано Бруно

Зап. 1

Дубай, август 2058

В городе что-то назревало.

Вроде бы.

Норберт сидел в тени, спрятавшись от ослепительного солнца, потягивал мятный чай, мысленно пересчитывал иссякающие сбережения и ждал, когда в толпе, толкущейся в узких улочках, кто-нибудь совершит нечто безумное. Или ужасающее. Или хотя бы заслуживающее внимания. Что-нибудь.

Пусть хоть кто-нибудь взорвет себя, проведет поединок на мечах или по крайней мере нагрузит двуколку так, что она поднимет осла на дышле.

Хоть что-нибудь, что на мгновение привлечет внимание отупевших и наполовину загипнотизированных пожирателей МегаНета, обеспечив ему 5К заходов. После преодоления этой магической границы очнутся следящие программы спонсоров, и на его иссохший счет начнет капать струйка евро.

Он ждал.

Он был готов.

Противосолнечные «рэй-баны» на его столике не привлекали ничьего внимания. Эффектные, в летно-итальянском стиле, они выглядели как из киоска «Реал Фейкс» в аэропорту Эр-Рияда. Половина мужчин в окрестностях носила такие же. Его омнифон тоже не вызвал бы сенсации, даже если бы покинул свое место на ремне под рубашкой. Вшитых под кожу на тыльной стороне кисти и на шее имплантов вообще не было видно.

Если бы что-то вдруг надумало произойти, ему нужно было всего лишь надеть очки и несколькими чародейскими движениями руки разбудить затаившиеся программы. А потом просто смотреть и не отводить взгляда, позволяя тому, что он видит, поступать через зеленые стекла его «рэй-банов» и матовую пластинку омнифона прямо на сервер, а потом в бездны МегаНета, становясь Событием.

5К заходов.

Не так уж и много.

Совсем не то, что пять мегазаходов. При подобном классе ивента и соответствующей динамике просмотров материал незамедлительно убирался с Трубы и заменялся урезанным трейлером, а вся запись целиком шла на аукцион, на растерзание самым крупным информационным порталам. Цены считались в мегаевро, а удачливый охотник забирал целых сорок процентов.

Вот только ничего не происходило. Ничего, что могло бы удостоиться чести именоваться ивентом.

Вокруг толпились люди. Тех, что в белых дишдашах и стянутых черными лентами из толстых шнуров платках на головах, в похожих на его собственные очках, иногда даже тоже набитых электроникой, опасаться не стоило. Были среди них и старики с растрепанными седыми бородами, в кружевных белых шапочках в форме салатницы, которые шлепали в стоптанных сандалиях, глядя по сторонам налитыми кровью, словно у быков, глазами и выслеживая грех. Эти порой бывали обременительны, но редко опасны. Дубай пока что, по сравнению с остальной Сунной, выглядел оазисом мира и толерантности. Никому не был

нужен сумасшедший старикан, который пристаёт к клиентам и выкрикивает проклятия.

Следовало, однако, остерегаться других бородачей – молодых или в расцвете сил, носивших намотанные на головы клетчатые арафатки или фетровые шапки в кавказском стиле. Они стояли в стороне, всегда группами, и разговаривали вполголоса, бросая вокруг холодные подозрительные взгляды. И еще – парней с покрытыми мягким юношеским пушком щеками, никогда не видевшими бритвы, с безумными глазами, полными свежего, почти нетронутого фанатизма прямо из медресе.

Были еще смуглые худые крысеныши в чересчур больших футболках «Баварии» или «Реала», иногда в бейсболках с вшитыми в них проекторами, заклепками, серебряными пластинками и расписными яркими узорами. Этим тоже следовало остерегаться, хотя и совсем по иным причинам. Именно к их числу принадлежал Мунир – Мунир, который за пять кило евро за информацию утверждал, что «в городе что-то назревает».

И теперь Норберт сидел в тени, с ароматом заваренной мяты во рту и облепленными сахаром губами, держа под рукой очки, и ждал.

В городе что-то назревало, но вовсе не нечто такое, что можно было бы отснять и бросить на растерзание божествам МегаНета. Чем бы оно ни было, оно пряталось где-то под поверхностью.

Воздух дрожал от жары. Надев очки, Норберт пробудил их едва заметным движением руки.

Сорок один градус. В тени. Вокруг шла своим чередом шумная жизнь рыночной площади, переполненная конгломератом звуков, запахов и красок. То и дело сквозь толпу протискивался дребезжащий скутер на ископаемом топливе. Вид голубоватого облачка выхлопных газов казался неуместным, удивительным и экзотическим. Нефть продолжала существовать, вот только никто не хотел ее покупать, кроме Азии и Африки. В течение двадцати лет самая потрясающая метрополия мира превратилась из рая на земле в обычный, пришедший в упадок арабский город. Все, что осталось от нефтедолларового великолепия, – возможность купаться в бензине за жалкие десять дирхамов за литр. Потрепанные «бентли» и «роллс-ройсы», «мерседесы» с выбитыми стеклами и

тарахтящие скутеры, переделанные в грузовые тележки, – и в меру дешевое электричество, почти круглые сутки. В Европе, схваченной за горло доктриной сбалансированного развития, даже это было бы чересчур.

Из отеля «Кингс Меридиан», в котором жил Норберт, он видел хрустальные башни Мина-Сейахи, невероятными формами устремившиеся в небо. Бывшее чудо архитектуры, некогда освещенное ночью подобно драгоценным камням, теперь пугало выбитыми стеклами и наполовину разрушенным гигантским шпилем Бурдж-Халифа, в свое время уходившим в небеса на восемьсот метров с лишним.

Когда-то считалось, что туризм заменит нефть, вот только никому не хотелось ехать в отпуск в самое сердце Сунны, где можно повиснуть на строительном кране или оказаться обезглавленным на площади за чересчур бравурную мелодию в коммуникаторе. В нескольких эмиратах, таких как Дубай, законы оставались достаточно мягкими, но этому уже приходил конец. К тому же мало кто из европейцев мог позволить себе путешествовать дальше, чем можно было дойти пешком.

В итоге искусственные острова в заливе превратились в торчащие из моря пустынные отмели, пугающие кульями высохших пальм и руинами зданий.

Когда мир покупал нефть, было объявлено, что он высасывает богатства арабской земли, и против Большого Дьявола был устроен джихад. Когда нефть перестали покупать, доходы упали во много раз, а джихад тех времен оказался детской игрой по сравнению с тем, что творилось сейчас. Открытая война не разразилась лишь потому, что ни у Севера, ни у Сунны не было на нее средств. Дубай стал одним из островков относительного спокойствия посреди океана безумия и ярости.

Вокруг пульсировала обычная какофония рынка – беспорядочный шум арабско-латиноамериканских шлагеров, сражавшийся с пискливыми рыданиями болливуд-бхангра и вьет-диско. Напротив столика Норберта сидел на крыльце своей лавочки продавец ковров, куря кальян. Его белый силуэт, закутанный в доходящую до земли дишдашу, выделялся на фоне пестрой стены, покрытой мозаикой персидских узоров, которые вручную ткали где-то в китайском концлагере.

Возле узорного сосуда и запыленных ботинок продавца на тротуаре стояло блюдце со стаканчиком чая.

Подняв голову, Норберт взглянул сквозь стекла своих «рэй-банов», легкими движениями пальцев задавая крупноформатную матрицу, навел резкость на морщины на щеках продавца и его старое задумчивое лицо, а затем сделал снимок. Похоже, интуиция его не подвела – кадр получился фантастический. Движением руки он отправил его на свой личный адрес и вздохнул. МегаНет не нуждался ни в фантастических кадрах, ни в «симпотных фотках». Он нуждался в ивенте.

А потом вдруг что-то изменилось – едва заметно, словно по улочкам медины пронесся порыв холодного ветра. На фоне международной музыкальной мешанины раздались звонки коммуникаторов и сигналы приема сообщений.

Хором. Повсюду.

Те, у кого имелись очки, внезапно остановились на полушаге, читая висящие в воздухе сообщения, которых не видел никто, кроме них. Другие начинали говорить вполголоса, машинально прижимая пальцем мочку уха. Одновременно стихала лившаяся отовсюду музыка, уступая место щебету звонков, словно на рынок налетела стая электрической саранчи.

В городе что-то назревало.

Норберт почувствовал вибрацию в скуле возле уха, а в воздухе повисли золотые буквы: «Мунир».

– Привет, друг мой Норберт, – сказал Мунир. Голос его отдавался глухим эхом, словно он сидел в бетонном погребе или, что более вероятно, в сортире. – Я знаю, кто, что и когда, – продолжал он. – Готов, друг мой?

– Мне нужно знать, стоит ли оно того.

– Если я говорю, что стоит, – значит, стоит. Хороший ивент. Первый номер. Десять кило и пять процентов.

Норберт ощутил, как его обдало жаром – еще большим, чем прежде, словно из самого раскаленного сердца пустыни.

– Мунир, да ты с ума сошел.

– Не сошел. Я знаю, что говорю. Бизнес есть бизнес.

– Десять кило, и все. И так в два раза больше обычного.

– Ивент просто супер. Продашь порталам. Пятнадцать и четыре процента.

– О чем вообще речь?

– В Дубае дали о себе знать Братья Смерти. Они похитили европейцев. Будет казнь. Публичная, в городе. Они плюнут в лицо Европе и эмиру. Пятнадцать и четыре процента? Время – деньги, друг мой Норберт. Цена как для брата. Могу позвонить куда-нибудь еще.

Жаркая волна внезапно сменилась дуновением из сердца Арктики.

– Десять и один процент, – услышал он собственный голос.

– Еще чего, брат. Пятнадцать сразу.

– Согласен.

Какое-то время он будто отгонял мух, активируя «пэйпасс» и переводя деньги.

– Пошло.

– Через час. В самом центре Мина-Сейахи. Под Эмирейтс-Тауэрс, у фонтана. Избегай Шейх-Зайид-роуд – именно по ней их повезут.

– Кого?

– Инженера из «ХартСанЭлектрикс». И биотехнолога из «Генотроникс». Похищены на прошлой неделе из собственных домов в Гринс. Мне пора заканчивать. Вперед, друг мой, и найди место получше.

– Все вокруг получили сообщения. У меня никаких шансов. Какого черта ты велел мне идти на рынок? Из отеля мне было бы пятнадцать минут прогулочным шагом.

– Все уже знают, что, но не знают, где. Братьям нужны зрители, а не армия. Сперва предполагалось возле Дома шейха Сайида – потому и рынок. Да пребудет с тобой Аллах.

Казнь.

Норберт быстрым шагом тронулся с места, чувствуя, как его заливают пот и как колотится сердце. Казалось, будто оно подступило к самому горлу, словно он проглотил охваченную паникой лягушку.

Казнь.

Кошмарное зрелище, с помощью которого Братья Смерти дадут понять, что уже творят в Дубай-Сити что хотят, что договаривающийся и торгующий с Большим Дьяволом предатель-эмир ничего для них не значит, и вдобавок – что его дьявольский «Дубайтек», дающий убежище противоречащим Книге шайтанским экспериментам, а также омерзительный проект термоядерной электростанции Аль-Касра, которая, вне всякого сомнения, является замаскированной бомбой, позволяющей европейцам одним нажатием кнопки взорвать Арабский полуостров, понесут заслуженную кару. К тому же неверные из «ХартСанЭлектрикс» и «Генотроникс» узнают, что ничто не спасет их от длинных рук шариата.

Таков был контекст. Те два удара мечом могли означать начало конца Дубая. Вот только МегаНет никакой контекст не волновал. Эту многоглазую тупую тварь волновал исключительно ивент. Она сможет на него таращиться, а потом превратится в хор лягушек, квакающих, что очень хорошо, когда империалисты наконец поймут, что получили по заслугам. Лягушки поквакают полчаса, а потом будет другой ивент.

Увы, Норберт ничего не мог с этим поделать. Он мог лишь накормить тварь и надеяться на свои сколько-то там мегазаходов, а потом аукцион. Он мог заработать и уехать из Дубая, прежде чем ему придется красть понтон и выплывать в Персидский залив.

Город он знал, так что мог идти кратчайшим путем, проталкиваясь сквозь азиатско-арабскую толпу. Впрочем, до Мина-Сейахи невозможно было не добраться – гигантские небоскребы, уходящие в раскаленное небо, были видны отовсюду. Люди вокруг о чем-то взволнованно и испуганно переговаривались, оживленно жестикулируя, или куда-то поспешно шли в разных направлениях – наверняка работавшие по контракту инженеры, биотехнологи и программисты, еще десять минут назад уверенные, что выигрели счастливый билет, и беспокоившиеся лишь о том, как спасти свои заоблачные зарплаты от ошалевших от жадности европейских налоговых служб. Теперь же они хотели только одного – как можно быстрее исчезнуть с улиц.

Норберт свернул в сторону набережной, стараясь идти быстро, но не настолько, чтобы выглядеть чересчур нервно. На всякий случай он включил запись и теперь смотрел на мир сквозь мозаику маркеров, значков и дождь янтарных буковок, информировавших его о разнообразных параметрах. Все это действовало успокаивающе, хотя выводить ничего не требовалось – аппаратура поддерживала автоматический режим и сама беспокоилась о свете, балансе белого, глубине резкости, матрице и параметрах звука. Норберту оставалось лишь смотреть, помня о том, чтобы не сопеть и не слишком дрожать. Вот только мир, украшенный всеми этими маркерами, становился безопаснее, превращаясь в фильм, объект, предмет работы.

Почти столь же неопасный, как просматриваемый в плеере МегаНета.

Он вышел на залитую жутким сиянием набережную, среди унылых пальм со свесившимися пучками сухих листьев и тянущихся вдоль нее когда-то роскошных бутиков, а теперь лавок с дешевым барахлом и подделками. У самого канала бродили с неведомой целью два верблюда и несколько тощих кошек. Задача теперь заключалась в том, чтобы преодолеть трехсотметровую, извивавшуюся через весь город полосу воды. До ближайшего моста было слишком далеко.

В течение долгой кошмарной минуты он беспомощно смотрел на покачивающиеся на воде яхты с развернутыми, словно чернокрылые бабочки,

солнечными батареями, на рыбацкие лодки, разваливающиеся экскурсионные кораблики, переделанные в ночлежки, – и ничто не предлагало решения.

Он уже был готов прыгнуть в покрытую радужными пятнами и дрейфующими в пене биоразлагаемыми упаковками воду канала, когда увидел пеструю крышу, сделанную из натянутых на каркас пластиковых полотнищ самого разного происхождения, и длинный черный корпус заполненной людьми абры. Водный трамвайчик уже отчаливал, когда Норберт подбежал к набережной и прыгнул прямо в толпу, размахивая платежным чипом.

Абра испустила облако голубоватых выхлопных газов и, тарахтя своим небывалым, нарушающим все принципы глубокой экологии двигателем, отошла от набережной, устремив узкий корпус к другому берегу, прямо в сказочный хрустальный лес небоскребов Мина-Сейахи, выглядевших словно с чужой планеты.

На забитой людьми палубе все разговаривали по телефону. Владельцы омнифонов и планшетов говорили что-то в пространство с отсутствующими лицами переживающих видение анахоретов, менее состоятельные болтали в смарт-часы и даже допотопные, склеенные лентой смартфоны. Молчал только Норберт – залитый потом, в прилипшей к спине рубашке, в окружении гортанной смеси десятков разговоров, в которых то и дело проскакивали отдельные знакомые слова: «пять», «правительство», «интересы», «боевики», «опасный», «Европа», «Израиль», «смерть», «Сирия», «Пакистан», «бомба», «плохо».

Издали, со стороны Шейх-Зайид-роуд, внезапно раздался резкий треск. Сухой, будто электрический разряд, звук, вмешавшийся в гул разговоров, заглушил громохание двигателя и вскоре вернулся, отразившись от небоскребов на другом берегу. А потом раздался еще один, неотличимый от предыдущего. На несколько секунд разговоры стихли, а затем возобновились с удвоенной силой.

Норберт в точности знал, что это за звук, поскольку уже несколько раз в жизни его слышал. АК-50к, на жидком топливе. Русское, простое и дешевое в использовании оружие. Снова раздалась длинные автоматные очереди.

Чтобы запугать.

Это выглядело вовсе не как короткий агрессивный лай в огневом столкновении, когда автоматы общаются нервными, полными ярости фразами, перебивая и перекрикивая друг друга, словно поссорившиеся любовники.

И такое он тоже уже когда-то слышал.

Он смотрел в ту сторону, сделав максимальное приближение, но ничего не было видно. По крайней мере, ничего особенного.

По всему городу разнесся вой полицейских сирен, но вдали, а позже – низкий гул и свист компрессора.

Квадрокоптер. На четырех турбовинтовых двигателях, наверняка военная «Супермангуста».

Взглянув вверх, он увидел лишь раскаленный купол неба, пеликанов и чаек.

А потом издали донесся глухой удар, превратившийся в пискливый рев разъяренного дракона, а затем грохот, будто внезапно раздался гром. И мгновение спустя – еще раз.

Этот звук тоже был ему знаком. УРГ-25 «Факел». Универсальный ракетный гранатомет системы «стреляй и забудь». Достаточно было прицелиться, нажав кнопку, а потом потянуть за спуск. Оператор мог в жизни не видеть ничего сложнее козы, но все равно бы справился. С помощью этого оружия можно было сбивать все, что летает, разрушать здания, жечь танки, пробивать броню и засыпать врага обломками шрапнели, выбрав режим одной клавишей.

Миновала секунда ошеломленной тишины, а затем лодка вновь заполнилась множеством голосов, на этот раз тихих и ритмичных. И теперь он их понимал.

«Ла илаха иллалла Мухаммадур расулулла...»[1 - «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед пророк его» (арабский).]

Раз за разом.

Монотонным, испуганным хором.

Звук турбин квадрокоптера сменился – в нем появилось некое постороннее тарактение и панический визг компрессоров, которые становились все громче, и внезапно машина взмыла над крышами, вращаясь в полете. Один из винтов замер неподвижно, так что видны были его лопасти в туннельном кожухе, а второй извергал черный дым и красные искры. Два остальных работали как обычно.

Задрав голову, Норберт проводил «Супермангусту» взглядом. Хищный, похожий на акулу фюзеляж все быстрее вращался вокруг вертикальной оси, горящий двигатель окутывал его дымной вуалью, вой компрессоров становился все отчаяннее, к черному облаку присоединилось еще одно, густое и белое. Турбина теряла гликоль.

На узкой палубе абры толпились перепуганные, растерянные и взволнованные пассажиры. Они боялись за себя, своих близких, а больше всего – за свой более-менее устойчивый мир, который начинал шататься до самого основания. Происходящее вполне могло закончиться приходом шариата и превращением Дубая в очередной эмират Сунны, или ответным налетом натовских или израильских истребителей, или войной армии ЕАС против джихадистов, или одному дьяволу еще ведомо чем. В любой ситуации обычным людям, вроде стоявших на этой лодке, не поздоровилось бы.

Единственным, кто сохранял спокойствие, оставался Норберт. Значение для него имело лишь одно – удержать в кадре вращающийся квадрокоптер, направлявшийся в сторону порта Аль-Рашид. Он сделал наезд, вобрав в поле зрения саму машину, а потом отъезд, когда дым заслонила вид кабины. Квадрокоптер скрылся за стеной небоскребов, оставив после себя рассекающую ярко-кобальтовое небо полосу густого дыма.

Норберт стоял не шевелясь, перегнувшись за борт в неудобной позе, чтобы растянутый над аброй навес не попадал в кадр, и ждал взрыва. Он вглядывался в изломанную линию небоскребов в Аль-Раффе, отделявшую ее от моря, но взрыва все не было, лишь где-то в районе Джумейра-бич спокойно поднимался дымный столб, однако не было слышно ничего особенного. Возможно, пилоту каким-то образом удалось сесть, а может, квадрокоптер разбился на песке, но ничего не взорвалось – ни топливо, ни боеприпасы.

Для Норберта это означало одно: ценность ивента была невелика. Меганавты не станут убивать друг друга ради того, чтобы увидеть дымящийся вертолет, который к тому же не взрывается. Ни выстрела ракеты и попадания, ни зрелищного взрыва – лишь середина действия. Не хватало главного. Новичок подделал бы взрыв, после чего, вероятно, вышел бы из игры, навсегда изгнанный с гарантирующих подлинность ивент-порталов.

Абра дотащилась до противоположного берега, после чего стала носом к набережной и развернулась, тяжело ударившись бортом о ряд наполовину погруженных в воду старых шин. К ней придвинули трапы из ажурной жести, покрытые облупившейся белой краской, и толпа хлынула на них, словно лодку охватило пламя. Подождав у борта, Норберт сошел на берег последним и сразу же направился в сторону башен-близнецов Эмирейтс-Тауэрс.

Миновав обширные руины – лабиринт изогнутых стальных конструкций, разбитых пластин бронированного стекла, бетона и дюраля, когда-то бывших верхней половиной Бурдж-Халифа, – он добрался до высохшего фонтана у подножия Эмирейтс-Тауэрс, окруженного венчиком облысевших пальм.

Людей тут было немного – толпа, к счастью, пока не собралась. Присев на уцелевшую футуристического вида скамью с видом на фонтан, Норберт отснял широкий план, а затем проехался по сновавшим тут и там или взволнованно дискутировавшим людям. Он пришел к выводу, что это не случайная дубайская толпа – слишком мало азиатов, индусов, европейцев и африканцев, зато слишком много традиционалистов. Куда бы он ни обращал стекла своих «рэй-банов», он натыкался на ослепительно-белые, доходящие до земли дишдаши и галабии, вдобавок к которым у каждого имелось что-то на голове: клетчатые арафатки, саудовские платки, тюрбаны, кавказские папахи, кружевные шеи.

У каждого.

И слишком мало женщин. В Дубае они имели относительно большую свободу – могли даже ходить одни и одеваться как хотели, но тут он заметил самое большее полтора десятка, либо в черных, словно вороны, пакистанских бурках, либо в здешних абайях и хиджабах на головах. Обычно хиджаб открывал лицо, а абайи были от «Дольче Габбана» и «Гуччи», но эти выглядели подчеркнута традиционно, а лица женщин закрывали маски из широких вышитых полос ткани. Он приблизил их лица: полоса материи пересекала лоб над самыми глазами, еще один яркий отрезок ленты опускался перед носом и раздваивался

надо ртом, словно перевернутая буква Y. Вроде бы ничего особенного, несколько сшитых вместе полосок – и можно спокойно грабить банки. Даже нельзя было точно утверждать, что за этой завесой скрывается женщина, а не усатый бедуин.

Ожидание затягивалось. Пока что он снимал фон и людей, борясь с желанием закурить киберетку. Здесь никого особо не волновал даже обычный табак, но он боялся, что может что-нибудь пропустить или что облачко пара испортит ему картину.

На высохший сквер, подобно трубному реву слона, обрушилась музыка – прямо с раскаленного неба, сразу во всех регистрах, с помпезной какофонией труб, стоном струн и пронзительным воплем, какой мог бы издавать падающий с минарета муэдзин.

Песня хватала за горло и выворачивала кишки; в ней то и дело упоминались Аллах, страдания, мать, месть, джихад, смерть и рай.

Фон заполнился беспомощно озирающимися людьми, а звуки лились с неба и отражались от стен небоскребов, не имея какого-либо видимого источника.

Сделав широкий план, он заметил, что отовсюду спешит публика с красными, потными от жары лицами, подобрав полы дишдашей.

Давно не работающий фонтан вдруг выбросил столб распыленной в виде тумана воды, облако которой повисло над сквером, и внезапно в нем возникла огромная, как теннисный корт, голограмма – в высоком разрешении, трехмерная и весьма добротна спроектированная, учитывая нестабильный носитель.

В облаке над фонтаном мчались галопом пустынные всадники, обвешанные оружием воины в черных масках, которые хватили на руки раненых детей, американские и европейские самолеты плевались огнем в пылающие больницы и школы, израильский танк давил беззащитных мирных жителей, песня ритмично рыдала о страданиях и мести, а в конце появилось трепещущее, словно мягкий шелк, зеленое знамя с золотистыми завитками арабской каллиграфии.

Норберт снимал все это, поскольку пока что ничего другого не происходило, а анимация по крайней мере дополняла картину и являлась хорошим вступлением

к ивенту. Где-то в глубине души он помнил, что должно произойти, и его сковывал страх, но Норберт загонял его вглубь, держа под контролем. В данный момент он являлся исполнителем, режиссером и самой камерой.

В данный момент существовали лишь композиция, образ, звук и сценография.

Золотистые строфы сменились символом из переплетенных стилизованных букв, складывавшихся в схематическое изображение кулака, державшего стилизованный силуэт автомата Коробова.

Тем временем фонтан уже окружила толпа. Вскочив на скамью, Норберт окинул толпу взглядом – ему как-то не пришло в голову, что, может, он и выбрал превосходное место, но в случае чего бежать будет некуда.

Вокалист теперь щеголял вибрирующими колоратурами, но без слов – возможно, забыв текст.

По обе стороны фонтана люди вдруг начали странно извиваться, будто их облепили муравьи, что-то кричать и хлопать себя по всему телу, но то были лишь две небольшие группы – остальные попросту ошеломленно тарасились на них. Они в панике бросились во все стороны, падая и топча друг друга, и вскоре в толпе образовались два довольно широких прохода с противоположных сторон фонтана.

Норберт смотрел, снимал и следил за картиной.

Он приблизил тех, кто отскочил от фонтана и теперь сдирал с себя дишдаши, осматривая предплечья и груди, словно в поисках муравьев или следов ожогов, но ничего видно не было. Один из них на мгновение потерял равновесие и шагнул в запретную зону, после чего пронзительно заорал и кинулся назад, опрокидывая стоявших позади.

В обоих проходах появились приземистые силуэты черных полугрузовых «Тойот Мураками» с установленными на бамперах трубчатыми конструкциями, на которых Норберт заметил по два вогнутых диска, похожих на миниатюрные спутниковые антенны, которые грозно смотрели перед собой, словно покрытые бельмами глаза.

Будучи профессионалом, он продолжал невозмутимо держать кадр, подобно живому штативу. Но он уже знал, что это МИВЕР, микроволновый излучатель. Обычно их использовала штурмовая полиция для разгона толп. Освещенный лучом человек чувствовал себя так, словно его облили напалмом, но стоило выбежать из зоны облучения, как ощущения исчезали без следа и каких-либо травм. Воспоминание, однако, оставалось, и с тех пор несчастный при одном лишь виде поворачивающейся в его сторону тарелки излучателя бросал транспарант и бежал как можно дальше.

Оба пикапа въехали за фонтан и, развернувшись на месте, встали рядом, ощерившись дисками излучателей прямо на публику.

С обеих сторон автомобилей высыпали боевики, выбежав перед радиаторами и выстроившись в черную шеренгу – в масках, свободных рубахах цвета сажи, черных тюрбанах, перевязанных лентами с символами в виде держащего АК кулака, обвешанные магазинами и топливными баками, каждый с компактным угловатым автоматом в руках.

Блеск глаз на фоне черноты. Набожные вопли о мести – и над всем этим раскаленное дубайское небо.

Приподнятые борта кузовов «тойот» с грохотом опустились, соединившись в повисший между машинами помост.

Человек, вышедший на жестяную эстраду, был одет так же, как и остальные, но на нем не было маски – лишь тюрбан на голове и густая борода, доходившая ему почти до глаз, словно черное пламя. Норберт приблизил картинку и хотел прибавить резкость, но это оказалось невозможно – несмотря на отсутствие маски, лицо оставалось слегка затуманенным, словно видимое сквозь фильтр или дрожащий от жары воздух. Из нормальной картинку подобного разрешения удалось бы выделить даже образец сетчатки глаза, но техника, которую тот использовал, этому надежно препятствовала.

Норберт сделал отъезд, захватив в кадр помост, мужчину на нем, оба автомобиля и грозную шеренгу черных моджахедов перед ними.

Когда бородач начал говорить, его голос как будто падал с неба и отражался от зданий, так же, как до этого музыка. Он начал с «Бисмиллахиррахманирахим»[2

- «Во имя Аллаха справедливого и милосердного» (арабский).], но тут же перешел на английский – гортанный, со школьной примитивной грамматикой, но вполне неплохой. Текст был в основном тот же, что и всегда в подобных ситуациях, те же лозунги и угрозы, только выступавший на этот раз не дергался и не орал. Он говорил быстро, явно точно рассчитав время, прежде чем на площадь ворвутся полицейские машины, и обращался прежде всего к аудитории МегаНета.

- Запомните то, что здесь увидите! Прозрейте! Очнитесь! Это происходит на самом деле!

С этим фрагментом его речи Норберт был вполне согласен.

Для кого-то непривычного, полностью погруженного в повседневную городскую жизнь, где самая большая угроза – невозможность свести концы с концами, вид обычного беззащитного человека, беспомощно ожидающего казни, выглядит чем-то непостижимым и пугающим. Невероятным.

Оба мужчины, которых выволокли на жестяное подобие эстрады из разложенных бортов грузовиков, были закованы в наручники и одеты в малярные комбинезоны из строительного супермаркета, из пропитанного специальным составом и полностью биоразлагаемого хитинового волокна, сейчас промокшие между ног и липнущие к телу. На головы им надели черные джутовые мешки, похоже, из-под риса. Каждого сопровождал боевик в маске без автомата, зато с кривым китайским не то мечом, не то мачете. Никакая не сабля пустынного кочевника – всего лишь вырезанная из жестяного листа и заточенная лазером дешевка, запрещенная в Европе, но на юге массово валявшаяся на прилавках.

- Вы любите кока-колу и МегаНет, а мы – смерть. У вас нет души! Вы сгнили!

Норберт знал, что казнь не будет профессиональной и быстрой. Этих людей зарежут, словно свиней, на глазах восторженного МегаНета, который тут же поспежит оставить остроумные комментарии, смайлики и трехбуквенные сокращения.

Их поставили на колени и сорвали с голов мешки, так что Норберт позаботился о том, чтобы приблизить картинку. Один из мужчин, лет пятидесяти с небольшим,

с обожженным солнцем лицом, морщинками в уголках глаз и залысинами на лбу, отчаянно рыдал, и по щекам его ручьями текли слезы. Второй, чуть помоложе, с пухлыми щеками и кудрявыми светлыми волосами, старался держаться любой ценой, но дрожал, словно в припадке малярии, стуча зубами; у него неудержимо тряслась челюсть и дрожали руки и колени.

- Мы завоюем вас утробами наших женщин!

Норберт ни о чем не думал и не задумывался о том, что видит.

Где-то глубоко за солнечным сплетением обитали гнев, ужас и отвращение в виде едкого ядовитого коктейля, но пока что действовали лишь профессиональные рефлексы. Крупный план отеков и синяков на скулах и лбах, крупный план глаз, чтобы зафиксировать последний взгляд на мир, пусть даже затуманенный животным ужасом. Свет, образ, экспозиция, композиция. Коктейль посреди кишок спокойно пребывал в закрытом резервуаре для токсичных отходов.

- Пока вы не падете на колени перед лицом истинной веры!

Двое еще не верящих в свой конец, перепуганных мужчин – один из которых недавно прохаживался среди желтых бульдозеров с планшетом и в шлеме с кондиционером на голове, а второй в белом стерильном халате, с рядом флуоресцентных маркеров в нагрудном кармане, показывал ничего не понимающим шейхам саженцы кукурузы, способные расти в песке пустыни.

Последние. Секунды. Жизни.

Последние судорожные вздохи, прежде чем раздастся свист дешевого китайского клинка и начнется нескончаемая, ужасающая агония.

И это произойдет, когда бородач закончит свою речь и завопит: «Аллах акбар!»

Сейчас...

Инженер уже не плакал, лишь издавал протяжный, непрерывный стон. Будь у него больше сил, он наверняка бы кричал. Генетик внезапно закашлялся, и его

стошнило на помост и облепленные комбинезоном колени.

Норберт стоял неподвижно, чувствуя, как струйки пота стекают по щекам и собираются на веках. Пальцы его сжимались и распрямлялись, исполняя неистовый танец, как будто он наперегонки комментировал происходящее на языке жестов. На фоне записываемой картинки открывались и закрывались диалоговые окна, вспыхивали полоски состояния, одна за другой мигали иконки.

Он знал, что где-то далеко отсюда по Сети уже расходятся слухи, уже скоро запустится и начнет разгоняться счетчик кликов.

– Пришло время заплатить за то, что вы творите с миром! Истинная вера уподобится волнам океана!

Боевики подняли мечи – обеими руками, пародируя самурайскую позу, виденную где-то по телевидению.

Последний крик бородача и пронзительный треск, сорвавшийся отовсюду с раскаленного неба, а за ним внезапный рев толпы прозвучали так, словно вдруг отворились врата преисподней.

И в то же мгновение звук смолк, сменившись заполнившим уши глухим писком. Оба боевика тяжело рухнули на помост, как отброшенные марионетки. Бородач висел, зацепившись за трубчатую решетку; у него недоставало половины шеи, и из раны, словно из лопнувшей трубки системы охлаждения, хлестала тонкая пульсирующая струя крови, обрызгивая стоявших вокруг. Несколько моджахедов опрокинулись словно кегли; слышался адский грохот АК-50к в руках остальных, паливших вслепую во все стороны, и звук этот слабо пробивался сквозь вату, внезапно заполнившую голову Норберта.

Вопли, бегущие в разные стороны люди и кровь.

Лиловые вспышки пламени на концах стволов.

Кровь на бетоне, кровь на белых дишдашах, распыленная пурпурными облаками кровь в воздухе. Кровь, вытекающая из маленьких дырочек в одеждах тех, кто корчился на цементных плитах, пронзительно крича.

И лишь приговоренные к казни стояли рядом на коленях на скользком от крови стальном помосте, ничего не понимая и ошеломленно озираясь по сторонам, а за их спинами еще слегка подрагивали тела палачей, почти лишившиеся голов.

С момента начала стрельбы, пока Норберт продолжал стоять в окружении бело-красных тел, каким-то чудом не пострадав и лишь чувствуя, как его толкают разбегающиеся во все стороны люди, прошло три целых тридцать восемь сотых секунды. Он попросту остолбенел, словно, глядя на пылающую Гоморру, превратился в штатив.

Кто-то налетел на него, хватая за плечи и крича что-то прямо в лицо, в стекла очков, за которыми распахивала пасть тупая многоглазая морда МегаНета, но слышен был лишь глухой писк. Внезапно тот оскалил красные зубы, глаза его провалились внутрь черепа, и он тяжело рухнул на тротуар, ударившись головой о бетон.

Обе «тойоты» вдруг рявкнули турбинами и рванули назад, все так же сцепленные бортами; на обоих стеклах появились созвездия зубчатых отверстий, брызгая превращенным в пыль секуритом. За затемненными стеклами возникло какое-то движение: в первой машине нечеткий силуэт судорожно заметался и осел, в другой водитель тяжело завалился на бок. Оба приговоренных рухнули лицом вниз, будто их дернули за веревочку, а потом начали неуклюже подниматься на ноги. В левом пикапе открылась дверца, человек в черном вывалился на тротуар и пополз вперед, нашаривая дорогу как слепой и оставляя за собой полосу размазанной крови.

Под машиной разлилась масляная лужа, а над радиатором появилось тяжелое облако испаряющегося охладителя.

Вокруг Норберта раздались короткие очереди. Он едва их слышал из-за продолжавшей заполнять его череп ваты. В воздухе над его головой послышался вой, словно пронесся рой сверхзвуковых ос.

Толпа разбегалась во все стороны, словно пена на воде. Норберт еще успел увидеть стрелявших. Женщины с закрытыми бурками лицами двигались вперед, к фонтану, вместе с остальными убегающими. В бурках, хиджабах и абайях, они шли в одинаковых позах, на полусогнутых ногах, танцующим шагом, прижав к телу локти и подняв к плечу короткие массивные автоматы, то и дело

выплывавшие размеренные полусекундные очереди.

После каждого залпа из-за фонтана очередное закутанное в черное тело валялось на землю.

Одна из наступающих женщин рванула на себе бурку, которая распалась надвое и упала наземь словно занавес, открыв полотняные песочного цвета штаны, рубаху и коротко подстриженную голову, явно принадлежащую мужчине.

Где-то в мозгу Норберта инстинкт самосохранения наконец нокаутировал бесстрастного исполнителя, разбил стекло и вдавил красную кнопку.

Он бежал к стеклянно-металлическим руинам шпиля, в сторону набережной и отеля. Вокруг лежали и бежали другие люди, раздавался электрический треск коротких очередей, пули высекали искры на бетоне и выбрасывали фонтанчики пыли, в небе то и дело слышался пронзительный визг рикошетов.

Когда много лет назад шпиль рухнул, бо?льшая его часть свалилась на парк, а потом его остатки сгребли бульдозерами в кучу, и так оно и осталось. Со временем среди руин появился лабиринт тропинок, проходов и коридоров вокруг и внутри изуродованного стеклянно-стального скелета, словно муравьи прогрызли себе пути в труп дракона.

Норберт длинными прыжками мчался вперед, чувствуя, как его сотрясает истерический, бессмысленный смех. Адреналин бурлил в его жилах, чуть ли не вытекая из носа, он почти ничего не слышал, в ушах все еще были вата и писк, он мало что видел, кроме перемежающихся пятен черной как смоль тени и ослепительного блеска, вокруг торчали искореженные стальные ребра и пролеты, громоздились завалы стеклянных плит толщиной в ладонь. Он понятия не имел, где находится, пробираясь лишь приблизительно в сторону залива, сквозь пищащие слои ваты пробивались треск канонады и крики людей, рядом мелькали убегающие силуэты, трепещущие платки и сверкающие белизной дишдаши.

Он мало что видел, почти ничего не слышал и, собственно, ни о чем не думал. Он был лишь мчащимся вперед туловищем, переполненным пенящимися гормонами бегства, ненамного умнее цыпленка с отрубленной головой.

Ясно было, что он заблудился.

Среди лабиринта разбитого стекла, алюминиевых решеток и обломков бетона блеснул свет, и он бросился туда, мимо бегущих в другую сторону охваченных такой же паникой людей. У него даже не возникло мысли, что что-то не так. Важно было лишь то, что он уже чувствует на щеках солнце и сейчас вырвется из ловушки, прямо к набережной и выщербленному массиву уцелевших приморских отелей, увидит выступающий из воды продырявленный хрустальный парус Бурдж-Халифа и высохшее кладбище Джумейра-Айленд, с торчащими из моря скелетами зданий и культями пальм.

Он остановился, лишь когда выбежал из руин прямо к двум дымящимся «Тойотам Мураками» и фонтану, прямо в самый центр стрельбы, и, хотя разум его был не в силах понять, каким чудом он оказался вовсе не там, где следовало, до него по крайней мере дошло, что сейчас он погибнет. Окончательно и бесповоротно.

Сегодня.

Вокруг него трещали работающие на жидком топливе автоматы, пронизывая воздух ливнем пуль. Повсюду виднелись черные как смоль силуэты в свободных рубахах, прячущиеся за грудями бетона.

Воздух завибрировал от взрыва, пробившегося даже сквозь писк в голове Норберта. Он почувствовал, как нервно вздрогнула земля, порыв ветра ударил в лицо. Одетые в черное боевики вдруг перестали стрелять и повылезали отовсюду среди разбитого бетона, словно вспугнутые скорпионы. Он еще успел заметить, что двое из них тащат безжизненное тело в хитиновом комбинезоне маляра, а в следующее мгновение они уже его окружили. Норберт услышал гортанный крик, увидел блеск глаз в щели, прорезавшей черную ткань, кто-то грубо дернул его за волосы, и прямо перед его лицом в смуглой руке возникло блестящее треугольное острие. Он увидел пересеченное тремя нанесенными хной цвета засохшей крови линиями запястье, услышал щелчок блокировки клинка. Руины окутали клубы серого дыма, воняющего горелым пластиком.

Ноги его вдруг куда-то исчезли, превратившись в беспомощные комья свежего теста. Когда он падал, ему даже показалось, что они гнутся независимо от суставов, что он просто валится, как плохо надутая пляжная игрушка.

Державший Норберта сзади на мгновение забыл о ноже и схватил его другой рукой за рубашку, отчаянно пытаясь поставить вертикально, когда небо вновь треснуло пополам, разорванное треском внезапной канонады.

Черные силуэты вокруг повалились на мостовую, кто-то куда-то бежал, кто-то отчаянно вопил, кто-то кого-то звал. По бетону струилась рубиновая кровь.

Хаос. Дым в небе. Скачущая, смазанная картинка, теряющая пиксели.

Все происходило одновременно.

Издающий резкий запах пота и розовой воды моджахед тяжело навалился на Норберта, но тут же начал судорожно ерзать, вцепившись в него так, будто он был последним спасательным жилетом на «Титанике».

Откуда-то появились фигуры в бурках и абаях или в песочного цвета туристических костюмах. Блеск дорогих противосолнечных очков, тяжелый топот ботинок с глубокими бороздами на подошвах.

Он видел, как двое хватают неуклюже перебирающего ногами человека в комбинезоне и тащат его куда-то в клубы дыма. Моджахед за спиной Норберта рванул его на себя, что-то гортанно декламируя срывающимся от паники голосом. Слово отполированный полумесяц, блеснуло острие.

Очередной взрыв паники подействовал на Норберта как острая шпора. Внезапно обретя власть над ногами, он отчаянно вцепился в запястье с ножом и дернул, закинув назад голову и сжимая мясистый черный шелк рукава.

Он даже не заметил, как крикнул.

Обычное, машинальное польское ругательство. Даже страшно подумать, сколько жителей страны между Балтикой и Татрами покинуло земную юдоль, крича на прощание: «Курва!», словно это было единственное, что они могли поведать миру под конец. Как будто упоминание женщины легкого поведения являлось идеальным завершением пути, последним словом, точкой над «і».

– Курва!

В этот вопль он вложил всю свою панику, злость и несогласие с подобным оборотом дел.

Все происходило одновременно. С тех пор, как он вновь забежал в тыл фонтана, прошло неполных четыре секунды.

Он успел заметить, что переодетые, окружившие кольцом несчастного в комбинезоне, на мгновение замешкались. Кто-то властно рявкнул – похоже, по-английски, но в грохоте и шуме вокруг осталось лишь ощущение приказа.

Один из них поднял оружие, направив прямо ему в лицо, и дважды выстрелил.

Норберт увидел лиловую вспышку, а затем провалился в темноту вместе с грохотом, с каким могла бы захлопнуться книга в тяжелом, оправленном в кожу переплете. Книга определенно чересчур короткая, преждевременно завершившаяся словом «курва».

Без сознания он пробыл всего несколько секунд, может, даже меньше. То было лишь краткое затемнение, словно предназначавшееся для рекламной вставки. Он вновь вывалился в раскаленный день в Дубай-Сити, в шум выстрелов и криков, который казался ему приглушенным, словно кто-то забил ему уши желе.

Кто-то тащил его за воротник, быстро и грубо; он видел волочащиеся по тротуару собственные ботинки, рубашка врезалась в горло.

Он увидел закутанную в черное фигуру, смятую, словно брошенная одежда, но неуклюже ползущую куда-то вперед бессмысленными движениями заводного механизма, промокшую тряпку на лице, на которое уже садились мухи, щель, в которой блестел один вытаращенный глаз, залитый алой, густой, как сироп, кровью, смуглые руки с нарисованными хной полосами на запястьях, искривленные пальцы со сломанными ногтями, оставлявшие ржавого цвета следы на бетоне.

И черный нож с треугольным клинком с дырой, блестящий на тротуаре, словно осколок луны.

Движения ползущего становились все медленнее, но он продолжал упрямо стремиться вперед, словно на остатках энергии почти полностью спущенной пружины. Пахло кровью, розовой водой и дерьмом.

– Вставай! Я помогу! – сдавленно рявкнул над головой Норберта тот, кто его тащил. По-польски.

Он послушно поднялся на онемевшие ноги. Тот забросил его руку на шею, а другой рукой схватил за ремень и потащил быстрее. Вокруг бежали другие, он видел фигуры в развевающихся красных и синих абайях, черные бурки, туристические штаны с набитыми карманами на бедрах, слышал топот тяжелых ботинок.

И еще он видел оружие. Много оружия. Короткие массивные автоматы с обвешанными какими-то электронными штучками стволами, все солидное, испытанное и явно неоднократно использовавшееся. Кровь на песочного цвета рубашках, напряженные сосредоточенные лица, пластиковые наросты коммуникаторов на висках или ушных раковинах. Резкий металлический запах пороха и тяжелая мускусная вонь пота. Одеколон и смазка.

Писк в ушах постепенно проходил, сменяясь синтезированными рыданиями десятков сирен и стуком и визгом турбин квадрокоптеров.

Все вокруг путалось и вращалось, словно картинка в сумасшедшем калейдоскопе. Рваный, почти стробоскопический монтаж – как для видеоклипа. Вспышки и темные пятна, звуки, запахи, коктейль разнообразной вони. Топот сапог, визг водородных турбин.

На площадь въезжали микроавтобусы, лавируя у фонтана, – серые, покрытые матовым слоем ржавой пыли, почти без окон, со странными скошенными кузовами, похожие на гробы на колесах. Загрохотали отодвигающиеся дверцы.

– Давай! Дава-ай! Быстрее!

– Хейт-вагон вперед! Где труподелы?

– Уже кончают!

- В третий! Подгони их! Хостов - во второй!

- А с этим что? - спросил рослый, с лысой башкой и татуировкой на затылке, тот самый, что тащил Норберта.

- Эвакуация! На втором!

- Этого, курва, в планах не было!

- Что?! Я сказал!

- Есть!

Из-за отодвинутой дверцы микроавтобуса появилось несколько рук, которые подхватили Норберта за плечи и рубашку, после чего втащили в нутро машины, отделенное от царившего вокруг хаоса затемненными стеклами, наполненное запахом горячего пластика и лакированной кожи, на фоне которого ощущался металлический запах кондиционированного воздуха и табачного дыма, смешанный с легким химическим ароматом искусственной сосны.

Канонада стихла - лишь время от времени раздавались одиночные выстрелы.

К ним не спеша приближались одетые в бурки или песочного цвета штаны и рубашки фигуры - без паники, подняв к небу дула автоматов.

Внутренность машины выглядела достаточно просторной - кресла располагались вдоль стен, так что пассажиры сидели лицом друг к другу, а не в направлении движения; посредине было свободное пространство, устланное мягким серым ковровым покрытием, на котором беспомощно корчился Норберт, словно ослепленный чудовищной вспышкой снаружи краб. Он видел в основном зеленые и фиолетовые пятна, натываясь на чьи-то колени; кто-то тащил его за плечо в сторону кресла.

В испещренном пятнами полумраке он увидел какие-то силуэты - кто-то то и дело садился в машину через отодвинутую дверцу. Его толкнули на сиденье, взвыл двигатель, и автобус тронулся, развернувшись на месте.

Тот, кто вскочил в машину последним, уселся в открытом дверном проеме с автоматом на коленях и издал дикий вопль, казавшийся более уместным на родео. Сидевший рядом с Норбертом резким движением сорвал с себя абайю, обнажив потную голову с коротко подстриженными волосами и туловище в разгрузочной жилетке с набитыми карманами, после чего наклонился вперед, выставив руку в замшевой перчатке без пальцев. Сидящий напротив перебросил оружие в другую руку и хлопнул ладонью о его ладонь. Норберт, зажатый между своими спасителями, пытался справиться с головокружением.

Оба инженера сидели напротив него, с ошеломленными бледными лицами. Один все еще трясся как в лихорадке, стуча зубами. Другой судорожно вцепился в спинку сиденья, таращась в пространство пустым взглядом впавшего в ступор.

Чья-то широкая спина закрыла вид Норберту. Присев на пол напротив заложников, мужчина с треском рванул клапан на боку жилетки, обнажив всевозможные свертки и замысловатые предметы, подвешенные в эластичных петлях или сетчатых кармашках. На руках у него были хирургические перчатки. Он по очереди дотронулся до лиц обоих ошеломленных инженеров, заглядывая им под веки и отворачивая губы уверенными движениями, свойственными скорее ветеринару.

- Ты ранен? - спросил он по-английски. - Как тебя зовут? Какой сегодня день?.. Ладно, этого ты можешь не знать... Какой сейчас год? Что-нибудь болит?

- Ма-ма-ма... Ма...гнус... О... Оль...сен... - выдавил несчастный.

- Ладно, Магнус. Все хорошо, ты возвращаешься домой. К жене и детям. Все кончилось. Ты в безопасности. Понимаешь, Магнус? В безопасности. Никто тебе уже ничего не сделает.

- Ма-магнус... - повторил Магнус. - Сре... еда.

- Расклеился, - сказал по-польски сидевший в дверях, закуривая сигарету - обычную, из табака в бумаге, из пачки с изображением муфлона. - Дай ему успокаивающего. Что со вторым?

- Тоже психическая травма, а чего ты хотел? Десять минут назад его собирались зарубить.

Где-то на фоне слышались возбужденные, оживленные голоса остальных, которые хлопали друг друга по ладоням, напоминая скорее банду подростков, выкинувших некий подленький, рискованный номер и только что сбежавших от полиции. Между сиденьями из рук в руки переходила старомодная алюминиевая фляжка с болтающейся на цепочке пробкой.

Фельдшер придерживал веки второму заложнику, светя ему в глаза маленьким, словно карандаш, фонариком, и что-то монотонно ему говорил, будто напуганному коню. Из кармана жилетки он достал ультразвуковой инъе́ктор, напомилавший обойный степлер.

Норберт остолбенело наблюдал за происходящим, со странным ощущением, будто зашел куда-то без билета, влез на чужую свадьбу или нечто в этом роде.

– Тайгер, а с этим что? – спросил кто-то. – Зачем мы его забираем?

– Ну так это же гребаный земляк, мать его растак, – с некоторым замешательством ответил сидевший в дверях Тайгер. – Ты бы бросил придурка им на поживу?

– Так какого хрена он там болтался? В контракте он не предусмотрен. В документах я его тоже не заметил.

– Что, нельзя иногда совершить добрый поступок? Просто порадовать ангелочков? Эй, турист? Ты кто такой? Цел хоть?

– Э-э-э... – проговорил Норберт, не вполне соображая, с чего начать. – Я журналист... Норберт Ролинский... Я... независимый журналист...

– Что? Что он лепечет? Какой еще независимый журналист? Это еще что? От кого независимый?

– Из Сети. Он не работает ни на какой канал, просто вешает ролики в Сети и рассчитывает на заходы. Ивентщик. Я хренею! Он снимает!

– Что?

- Он все время снимает! У него на ремне омнифон, и тот постоянно снимает! Нас, хостов, машину, все! Чтоб мне сдохнуть! Поздравляю, Тайгер! Тебя покажут по телевизору! Звезда МегаНета!

Незнакомец слегка наклонился, держась за ручку на потолке, и его правая рука внезапно выстрелила вперед движением атакующей кобры, увенчанная коротким угловатым пистолетом, черный мертвый глаз которого уткнулся прямо в лицо Норберту. В одно мгновение у него онемело все тело - лицо, ноги, все остальное. Казалось, будто оцепенели даже внутренности.

- Давай стекла! Быстро! И мыльницу, курва твоя мать!

Он беспомощно показал руки, после чего осторожно снял свои «рэй-баны», постоянно мигавшие иконками и обозначениями. Без них он почувствовал себя голым.

- Я не успел выключить... все произошло столь быстро... - пробормотал он онемевшими губами, отстегивая от ремня омнифон, показавшийся чуть ли не потяжелевшим от записанного на диске материала. Несколько мегазаходов как в банке...

Дуло пистолета казалось огромным, словно колодец в ад; от него пахло маслом и пороховой гарью. Норберт протянул ладонь с лежавшим на ней блестящим прямоугольником из черного пластика и отполированного алюминия.

Час монтажа - и в Сеть. Счетчики заходов раскалились бы добела...

- Отдай Кролику, - сказал Тайгер.

- Это не дата-сейф, просто обычный омнифон! У моей дочки такой! Сам разберись.

- Кролик, проверь! На всякий случай.

- Так точно!

Жилистый невысокий мужчина в очках, с коротко подстриженной, как у каторжника, головой, поднял руку в перчатке без пальцев, одним движением схватив и омнифон, и очки. Второй рукой он извлек из одного из вместилищ на своей жилетке универсальный инструмент, после чего надел очки Норберта и на мгновение замер. Отложив инструмент в сторону, он начал жестикулировать. Норберт молчал, угрюмо глядя на него. Ему незачем было видеть картинку – он прекрасно распознавал все жесты. Человек по имени Кролик обшаривал диски, влезал в систему, стирая все, что только можно, молниеносными уверенными движениями, будто отгоняя мух.

Все это продолжалось меньше минуты, в течение которой Норберт таращился на него с пересохшим горлом, мечась между страхом, надеждой и отчаянием. Кем бы ни были эти люди, они вовсе не мечтали о своих пяти минутах славы в МегаНете.

Кролик одной рукой открыл свой инструмент, с треском разложив короткое, похожее на долото лезвие, и уверенным движением воткнул его в щель корпуса, вскрыв омнифон словно устрицу. Казалось, будто сейчас он наклонит раковину и, задрвав голову, проглотит электронные потроха, но он лишь выковырял оба чипа – сим-карту и карточку кристаллической памяти, которые вытряхнул себе на ладонь.

Щелчок. Прямоугольная складная рукоятка инструмента выплюнула тупую головку пассатижей, и карточки одна за другой отправились под острия для резки проволоки. Послышался хруст, и на этом все закончилось.

Кролик сложил корпус, затем раздавил «рэй-баны» в руке и надел Норберту на нос погнутую оправу, после чего бросил ему на колени выпотрошенный омнифон.

– К вашим услугам, – процедил он низким мрачным голосом. Его похожее на крысиную морду лицо с бородкой вокруг рта не выражало никаких эмоций.

Норберт какое-то время сидел с бесполезным остовом на коленях и в оправе на носу, напоминавшей вытасченный из-под поезда велосипед. Он прекрасно понимал, что выглядит как клоун, но для него это была далеко не самая главная проблема.

Взглянув на мертвый бесполезный омнифон в руке, он снял очки, кое-как сложил их и сунул в карман. Тайгер повернулся к нему с автоматом на коленях.

– Расставим приоритеты, – сказал он. – Пункт первый: предположим, что мы бы тебя проигнорировали. Тебя уже десять минут не было бы в живых. Ты просто исчез бы, как мыльный пузырь, и никто во всей гребаной Сети этого не заметил бы. У тебя кто-нибудь есть? Кто-то из близких?

– В общем, да, – прохрипел Норберт.

– В общем, да, – повторил Тайгер. – Неплохо. В таком случае заруби себе на носу, что ты только что заново родился. Сворачивай свои делишки и возвращайся домой. Ты остался жив. Поздравляю. Пункт второй: тем, что ты жив, ты обязан мне. С точки зрения некоторых культур на этой планете, это означает, что твое дальнейшее существование полностью зависит от меня. Пока что оно мне ни к чему, но тот факт, что ты дышишь, функционируешь и в твоей башке что-то тлеет, является частью биохимического процесса, который я тебе одолжил. Мы не нуждаемся в рекламе на «НьюСтьюбе» и не ищем славы. По сути, нас не существует. Нас нет. Понимаешь, что я говорю?

– Да, – бездумно ответил Норберт.

– Суть анализа приоритетов состоит в том, что существование, которым ты продолжаешь наслаждаться, важнее, чем появление в Сети возбуждающего эмоции ролика. Оно важнее всего МегаНета. По крайней мере, для тебя. Где ты живешь?

– В «Меридиане», – послушно сообщил Норберт.

– Сейчас мы притормозим, – предупредил Тайгер. – На секунду. Это... – он достал из кармана пластиковую банкноту в пятьдесят дирхамов, схватил ее за оба конца и дважды слегка дернул, словно желая привлечь к ней внимание, – ...на рикшу. Сделаешь вид, что торопишься домой. Здание перед тобой – Бурджуман. Налево – Кувейт-роуд, дальше – терминал и порт Рашид. Пока-пока. Лазер, по тормозам – высаживаем пассажира!

В следующую секунду он оказался на тротуаре, даже сам не зная как. Бурые от пыли угловатые микроавтобусы устремились вперед, свернув на полном газу в

сторону эстакады на Шейх-Рашид-роуд. Он услышал лишь раздраженный голос Кролика: «С бабками ты уж точно перебрал», – и внезапно остался один.

Он весь вспотел, в горле пересохло как в пустыне, в карманах лежали остатки омнифона и очков, белая льняная рубашка была забрызгана кровью, платежный чип пуст, а ноги словно из пластилина.

Но он был жив.

Норберт с ходу двинулся вперед, стараясь смешаться с толпой и скрыться из виду. Очков у него больше не было – никаких, не говоря уже о камерах. Солнце пылало на бетоне, било яростным сиянием с неба, бомбардируя глаза ультрафиолетовыми лучами, так что нужно было отыскать тень. По одну сторону тянулась бетонная печь гигантского торгового центра, а по другую – многополосная улица, на удивление пустая для этого времени дня. За спиной его находилась станция метро Бурджуман, когда-то увенчанная крышей в виде верхушки кожаной дамской сумочки, даже с ручками, размерами годившейся для Годзиллы. Теперь краска на сумочке облезла, одна ручка надорвалась, и, хотя иллюзия оставалась идеальной, теперь она выглядела так, словно принадлежала нищенке – нищенке-Годзилле.

Пробовать воспользоваться метро он опасался. Теоретически по Красной линии он мог доехать прямо до яхтенной пристани и своего отеля, но метро – словно клетка. Человек спускается вниз, позволяет загрузить себя в вагон – и все. Он становится пленником поезда, пленником туннеля, пленником станции. Норберт чувствовал, как его охватывает паника. У него уже тряслись руки, и он понял, что еще мгновение, и он будет выглядеть как в лихорадке. Переполюнявивший его кровь адреналин искал выхода, и он просто шел вперед. Улицы были почти безлюдны, витрины десятков эксклюзивных китайских, французских и итальянских бутиков одна за другой с грохотом задвигали жалюзи. Автомобили проезжали лишь изредка и в спешке, а прохожие двигались быстрым нервным шагом, почти трусцой.

Содрав с себя окровавленную рубашку, Норберт смял ее и бросил в первую попавшуюся мусорную урну, зная, что дома уже обратил бы на себя внимание городской службы наблюдения.

Термоактивная футболка под рубашкой была черной, и на ней почти ничего не было заметно.

Воздух чуть ли не пульсировал от доносившегося отовсюду визга сирен.

Норберт продолжал идти прямо в сторону моря и паромного порта, где собирался свернуть налево по Джумейра-Бич-роуд и направиться вдоль пляжа до самого Джебель-Али и своего отеля.

Он считал, что именно за это время он сможет избавиться от адреналина.

В действительности от моря его отделяло восемь или девять километров, а оттуда до отеля – около сорока. В его затуманенном мозгу просто возникло воспоминание о плане города, а там все казалось мелким и несложным, основанным на прямых линиях. Естественно, путешествие через весь эмират, пусть и небольшой, поперек, а потом вдоль, выветривалось у него из головы быстрее, чем он мог предположить.

Над ним пролетело звено боевых квадрокоптеров. Казалось, будто они снесут верхушки возвышавшихся вокруг небоскребов, а грохот турбин в буквальном смысле выбивал пломбы из зубов. Потом дорогу ему преградила колонна полицейских автомобилей. Он машинально отступил в сторону, а перед ним мчались одна за другой плоские, словно черепахи или лезвия секир, машины, белые с зелеными полосами и круглой эмблемой в виде парусной лодки в лавровом венке, мигавшие красным и синим, завывавшие какофонией цифровых сирен, словно призраки из иного мира.

Будь у него очки и планшет, он мог бы поймать очередной ивент. Мало кто из европейцев когда-либо видел собственными глазами хоть один суперавтомобиль. Они действительно выглядели как машины из другого мира – лихого, мчащегося вперед и уверенного в собственном могуществе, но теперь подвергнутого цензуре, запрещенного и обреченного на принудительное забвение. Полностью, однако, они не исчезли – не все оказались в Китае, Индии и Африке. Их продолжали производить, хотя бы для шейха, который купил их для полиции. А тут они ехали десятками – «Ламборгини Авентадор», «Астон Мартин один», «Феррари Тахион». Они мчались перед ним с ревом чудовищных двигателей и воем сирен, бело-зеленые, со стилизованной надписью на дверцах, которую он машинально прочитал как «Обьиилл», хотя ее следовало читать с

конца и по-арабски. Чудовища из тех времен, когда мощность двигателя измерялась в сотнях лошадиных сил.

Призрачная колонна пронеслась перед ним и исчезла, улицы почти полностью опустели, а немногочисленные прохожие уже в открытую бежали трусцой, словно их охватило всеобщее желание предаться здоровому образу жизни. Теперь он выделялся среди них, поскольку просто шел. Тесные закоулки и подворотни, в свою очередь, были забиты людьми, самые любопытные, отважные или просто глупые из которых высовывались за угол, пытались что-то высмотреть на пустых улицах. Все это напоминало какую-то дурацкую детскую игру в стулья. Иного выхода, кроме как идти дальше, у него не было, поскольку стула для него уже не хватило. Прочие втиснулись во все возможные щели и норы, а ему остались лишь раскаленные тротуары и возвышающиеся слева башни небоскребов.

Сирены продолжали завывать, вдоль шестиполосной улицы теперь с глухим грохотом неслись ряды выкрашенных в песочный цвет приземистых угловатых открытых бронемашин, полных облаченных в кевлар, увешанных оружием людей. Отблески солнца на торчащих во все стороны стволах, смуглые лица, усы, блеск черных стекол, дрожащий песочный узор камуфляжа.

Дело принимало серьезный оборот.

Шейх пустил в ход армию.

И флотилию разгоняющихся до ста километров в час меньше чем за три секунды спортивных автомобилей.

Теперь следовало ожидать еще яхт и верблюдов.

От сирен звенело в ушах, казалось, будто сквозь электрический вой слышен треск выстрелов, отдающихся эхом среди башен из хрусталя и облупившегося металла.

Норберт не мог пострадать, раз уж чудом спасся. Просто не мог. Не сегодня. Не потому, что для него не хватило свободного стула или места в переулке.

Он побежал.

Побежал, как и все те, кто не нашел себе места в какой-нибудь дыре или внутри внезапно позакрывавшихся зданий, магазинов и ресторанов. Несколько раз он махнул проезжавшим такси, но безрезультатно.

Оказавшись в каком-то переулке, он даже наткнулся на тархтевшего бензиновым двигателем рикшу. В открытой кабине на месте пассажира сидел боком парень в белой абайе и курил табачную сигарету, выставив ноги на тротуар. Норберт окликнул водителя, издав далеко размахивая банкнотой, но тот бросил сигарету на мостовую, вскочил в седло и сбежал, словно вместо пятидесяти дирхамов увидел ордер на арест.

Норберт блуждал в закоулках, как можно дальше от происходящего, пытаясь отыскать хоть какой-то оазис спокойствия, где еще существуют открытые двери, рикши, стаканы с напитками на продажу, такси, моторные лодки, холодильники с минеральной водой в пластиковых бутылках, велосипеды или абры. Где хоть что-то еще работает.

Ибо он спешил.

Существовал небольшой, однако вполне реальный шанс, что он еще мог что-то спасти. Нужно было лишь добраться до МегаНета, и как можно быстрее. В некоторых отелях имелись терминалы, существовали также интернет-кафе – по крайней мере здесь. Возможность войти в Сеть, используя чужое устройство, а не собственный зарегистрированный омнифон, служила одной из местных туристических приманок, а также гигиенической лазейкой для живущих на грани шариата местных, помнивших лучшие времена. Именно здесь, среди тысяч полупустых отелей, баров и кафешек, оставшийся без собственного терминала человек все же не оставался ослепленным. Оглушенным, связанным и брошенным в темноте с мешком на голове.

Шанс существовал, поскольку: А. Кролик не воспринимал его всерьез, что было видно по его заслоненным графитовыми стеклами глазам, в которых отражался образ измученного ошеломленного штатского, который лезет куда не следует и не знает, что делает. Б. Кролик не был профессионалом. Он просто получил омнифон, стер, сломал, сжег, проглотил и высрал. Всё. В. У Кролика не было времени. Он решил вопрос коротко, быстро, четко и действенно. Г. Кролик

завершил дело категоричным щелчком металлических челюстей своих чертовых саперских клещей. Физически. Обычно если что-нибудь разрежешь, можно потом не забивать этим голову.

Так что определенный шанс оставался.

Вот только нужно было найти способ погрузиться в верещащую и трещащую от искусственных эмоций бездну МегаНета.

И быстро.

Норберт бежал трусцой по каким-то улицам, среди старых жилых домов – обычных выцветших кубиков арабского города, производивших такое впечатление, будто они уже много веков пребывают в состоянии заготовки или в процессе строительства. Ему попадались закрытые чайные и бары-закусочные, но улицы были безлюдны. Норберта охватило мучительное чувство, будто он оказался в абсолютно чужом мире. Там, дома, можно было попросить кого-то о помощи, подкупить, призвать к солидарности. Здесь же он ощущал себя ходячим банкоматом, чужаком, единственная цель существования которого, раз уж он сюда приехал, заключалась в том, чтобы одарить каждого порцией виртуальных денег, а в крайнем случае и наличных. Ноу проблем, май френд.

Он мог бы попросить дать ему доступ в Сеть или вызвать такси, но в любом случае остался бы без гроша, зато с оригинальным бедуинским ковром или курткой из самой настоящей клонированной кожи.

Или просто с разбитой башкой.

Ему встретился очередной футуристический квартал, полный устремленных в небо термитников самых странных форм из рассыпающегося бетона, где на тысячах балконов затаились толпы едва различимых, маленьких, как муравьи, людей, которые смотрели на город и ждали, что будет дальше.

Между небоскребами и улицей, среди высохших пальм и остовов автомобилей, расположился небольшой торговый центр, оплетенный бетонной лентой галерей и пугавших опущенными жалюзи магазинов, из которых призрачно расцветали в воздухе нанесенные голоспреем граффити, словно странные неоновые кораллы. «Прокат мопедов, электросамокатов, сегвеев и – внимание,

достопримечательность! – настоящих автомобилей!» Закрыто. Арабское неведомо что закрыто. «Кафе-кальянная, легальное!» Закрыто. «Магазин кожи», закрыт. «Реал Фейкс». Закрыто. Что-то вроде продовольственной лавки, закрыто. «Подводные путешествия», закрыто. «Русский маркет „Бабушка“, правильная свиная тушенка, икра, солянка, русский салат, сувениры», закрыто.

И «Икебукуро Бар, патинко, Асахи», открыто.

Норберт побежал.

«Икебукуро Бар», открыто!

Открытая дверь на втором этаже, оплетенная ярко сверкающими идеограммами, оклеенная очередным скопищем значков витрина с голограммой девушки в матроске и с сережками по всему лицу, раскрывавшей рот в беззвучном пении или крике.

Открыто.

Всегда открыто, работа превыше всего, да здравствует Япония!

Кампай!

Норберт взбежал по пандусу для инвалидов, извивавшемся словно серпантин, а когда наконец остановился перед дверью, не мог произнести ни слова, с трудом переводя дыхание. Перед баром на галерее были выставлены несколько столиков, за открытой дверью царил полумрак, в котором мерцали разноцветные огоньки, а изнутри доносилась какофония электронных звуков, мелодий, щебетаний, ревов и взрывов, словно там находились заводные джунгли.

На террасе сидел за столиком худой азиат с торчащей во все стороны неоновой шевелюрой и в тяжелой, словно бронированной, черной куртке, полной шевелящихся шипов и остриев, развалившись с широко расставленными ногами на стуле, с серебристой банкой в руке и приклеившейся к нижней губе сигаретой. Он окинул Норберта диким взглядом золотистых глаз с вертикальными зрачками, напоминавших тигриные, и что-то сказал. Норберт

улыбнулся и пожал плечами. У него вдруг промелькнула мысль, что столь ярко окрашенные существа обычно ядовиты.

Похоже, это был просто клиент.

А потом азиат начал что-то говорить, тархтя все быстрее и громче. Вторую половину фразы он проскандировал, а конец проорал. Все это время окуроч непонятным образом держался на его нижней губе, словно приросший.

– Понятно, я тебя тоже, – ответил Норберт с таким ощущением, будто сегодня все сговорились его унижить, и, похоже, он уже сыт этим по горло.

Изнутри появился еще один японец, средних лет, худой, с жалкой щетиной на подбородке, в футболке, и тоже заорал. Сперва что-то вроде «Кирияма!», а потом нечто, что могло быть как потоком яростных ругательств и оскорблений, так и, учитывая культурные различия, обменом мнений на тему погоды. Радовало лишь то, что вопль был явно адресован шипастому гражданину на стуле.

Когда японец вопросительно взглянул на Норберта, тот поклонился так, как видел в фильмах и играх.

– Прошу прощения, мне нужна Сеть. Мой омник сломался. Очень важно, – произнес он на как можно более тщательном школьном английском.

Достав омнифон, он потряс им, издав печальный хруст пересыпающихся деталей. Ответом ему стало самое бесстрастное выражение лица из всех, какое только можно представить у человеческого существа. Как будто он разговаривал с рыбой.

– Добрый день. Что в городе? – спросил японец.

– Добрый день, нападение террористов, – объяснил Норберт. – Мне нужно быстро в Сеть.

– Как долго?

О чудо – он понял.

– Полчаса.

– Десять дирхамов. Что-нибудь выпить?

Шипастый перестал обращать на них внимание, тарашась в пустоту и упражняясь в прятании сигареты во рту, гримасничая и кривя нижнюю губу. Когда у него не получалось, он плевался искрами и пробовал снова.

Норберт сел в отдельном зале, среди поющих, трещащих, играющих, свистящих и верещащих консолей, которые взрывались каскадами разноцветных пиктограмм. Перед ним расцветала туманная полусфера голоэкрана, вращался хорошо известный логотип браузера, а ладонь холодила ледяная банка самоохлаждающегося японского пива. Дыхание и дрожь в руках постепенно успокаивались.

Войдя в систему, он начал поиски своих сырых аварийных рабочих копий, которые его омнифон регулярно отправлял на десятки виртуальных серверов по всему миру – естественно, не тех обычных по умолчанию, которые оказывались на его странице. Их Кролик нашел и выжег все скопом.

Имелись еще зашифрованные аварийные материалы, со странными названиями файлов, которые знала лишь его личная криптографическая программа. Последовательности знаков, ничем не напоминавшие видеофайлы, разбросанные в разных случайных местах Сети.

Потеря аппаратуры, наряду с потерей зубов или вообще физической целостности, являлась обычным профессиональным риском любого ивентщика. Любой объект его профессионального интереса подвергался разоблачению, осмеянию, вытаскиванию на всеобщее обозрение и издевательствам со стороны всего мира. Каждый, кто понимал, что его сейчас снимают, сразу же реагировал, и порой весьма жестко. Такова была повседневность.

Без подобного рода подстраховки Норберт не продержался бы и месяца.

Кролик явно полагал, что перед ним кто-то вроде идиота-подростка, который пытается любой ценой прославиться, снимая на дешевый коммуникатор все, что попадется на глаза.

Он ошибался.

Норберт был профессионалом. Он этим жил. Ему нравилось воображать себя независимым репортером – настоящим беспристрастным журналистом, какие существовали пятьдесят или сто лет назад. Совестью мира.

Мир, правда, уже не имел совести, и его ничто не волновало дольше пятнадцати минут, но Норберта это не беспокоило.

Когда его программа нашла первый файл, он почувствовал, как обливается потом. Впервые за сегодняшний день ему захотелось вскочить с кресла, поднять кулак и издать победный клич.

Дело было даже не в самом заработке, билете в Европу и сбережениях на какое-то время.

Норберт был профессионалом.

И он относился к этому чертовски серьезно. Чтобы его остановить, требовалось нечто большее, нежели гранитная челюсть и универсальный инструмент.

Материал, годившийся сразу на выброс, сохранился идеально – затянутый, ничего не вносящий, скачущий проезд через медину, когда он блуждал по улочкам рынка, метался по набережной или садился в абру.

Ничего. Бесплезно, скучно, не увлекательно. Действие должно начинаться с землетрясения.

Он в очередной раз машинально огляделся в поисках высвечиваемых в поле зрения сообщений.

Ничего. Омнифона у него уже не было.

Когда-то люди носили с собой часы, кредитные карты, телефоны, планшеты, компьютеры, бумажники и ключи. Если ты потерял деньги, ты все так же мог узнать, который час, отпереть квартиру или с кем-то связаться.

Выведя на голоэкранный панель инструментов, он обнаружил, что с того момента, как началась стрельба, прошло сорок шесть минут. К счастью, имелся немалый шанс, что даже если на месте был какой-то другой ивентщик или хотя бы обладавший соответствующими рефлексам любитель, то, скорее всего, он получил пулю и теперь вместо того, чтобы отправлять видео, либо входил в райские врата, либо корчился в машине скорой, крича и истекая кровью.

Основной принцип его работы заключался в том, что часто возникала необходимость обработки материала и его отправки в неких случайных местах, с чужого оборудования. Так же, как и сейчас, когда счет в буквальном смысле шел на секунды. Его бронированный ноутбук, устойчивый к пыли, сотрясениям, воде, обломкам и гусеницам танков, имевший даже механическую клавиатуру и корпус из керамического сплава, покоился в отеле «Кингс Меридиан» в потертом сейфе в его номере.

Что и к лучшему – вряд ли тот устоял бы против Кролика.

Все необходимые инструменты следовало также хранить где-то в цифровых туманностях МегаНета, в личном облаке.

Войдя на свою безопасную страницу, Норберт запустил виртуальные диски и любимый «МувиМастер».

Сперва клип. Клип был важнее всего. Тридцатисекундный материал, который должен как можно быстрее попасть на «Трубу», вызвать эмоции и интерес, обещая больше, чем показывая, и побудить скачать полную версию – тоже якобы бесплатно, зато с кучей рекламы. Крючок, на который сперва должны клюнуть трилл-менеджеры с ивент-порталов.

Очередные файлы выныривали откуда-то из бездны Сети, росли полоски состояния, поисковик в сумасшедшем темпе прокручивал в своем окошке адреса и машинные коды.

Норберт с хрустом сцепил пальцы, отставил банку и поудобнее устроился на вращающемся кресле.

То была его раздача. Его ход.

По его принципам, в его мире и на известном поле.

Здесь уже никто не будет пугать его оружием, валить на колени, тащить как мешок или уничтожать его имущество дорогим профессиональным универсальным инструментом. То была его темная долина, и именно он был здесь вооружен и опасен.

Он поднял руки и начал дирижировать широкими уверенными жестами виртуоза, перед которым находится прекрасно обученный и послушный оркестр. Открыв два рабочих окна, он бросил на одно из них выбранный фрагмент материала и запустил его, одновременно открывая последующие.

Экспозиция, драматургия. Наезд, средний план. Он полностью погрузился в работу – случившееся с ним вылетело у него из головы, остались лишь последовательности образов, история, которую он должен был рассказать. Его руки формировали материал, растягивали его, останавливали, резали, переносили и клеивали. Возникал ивент. Крики, вопли, взрывы и выстрелы тонули без следа в шуме электронных джунглей, пульсировавших вокруг Норберта собственными воплями, взрывами и выстрелами.

Подготовка вступительного клипа заняла у него полчаса. Он просмотрел его трижды, внося косметические поправки, и отправил в потроха Сети рабочие копии, которые тут же расползлись по киберпространству словно тараканы, прячась в щелях и трещинах.

А потом – выстрелил им на защищенный портал, служивший биржей для главных торговцев ивентами.

Монтаж основного видео занял немногим больше, поскольку вся предварительная работа была уже сделана. Выбросив ошибки и мусор, он порезал все на подходившие друг к другу кирпичики, которые достаточно было сложить в логическое целое. Начало, развитие и завершение. Два поворотных пункта. Кульминация.

Файл получился очень большой – по крайней мере, для ивента. Почти десять минут. По данным «исследований», о которых постоянно бредили менеджеры, зритель начинал скучать и терять терпение после семи минут информации на одну и ту же тему. Норберт просмотрел материал в ускоренном режиме и выяснил, что кровь появляется на третьей с половиной минуте, после чего остается до самого конца; более того, с самого начала каждую минуту возникают очередные неожиданные элементы.

Он отправил рабочие и резервные копии на четыре страницы в киберпространстве, закодированные как вложения в письма на фиктивные адреса, фотографии из отпуска, «важные обновления», а также файлы таинственных программ и вступления к фиктивным играм.

Почистив диски, он сформировал большой экран и запустил видео в последний раз, лишь теперь почувствовав, как на него обрушивается усталость. Болела шея, жгло в глазах, пересохло в горле. Хуже всего было с ногами, которые дрожали так, будто он пробежал марафон, и одновременно мышцы разрывались, словно его пбили палками.

Он сделал большой глоток «Асахи» – казалось, будто пиво впиталось в сухие ткани, не успев добраться до горла, – а потом торжественно включил воспроизведение, в последний раз переживая сегодняшнее утро, начиная с кружащего в раскаленном небе и изрыгающего дым и испарения гликоля квадрокоптера и заканчивая таинственными вооруженными людьми, которые пятились среди руин, таща спасенных инженеров.

Какое-то время он сидел, обмякнув в кресле, словно беспомощный тяжелый манекен, а затем совершил последний жест, будто посылая гвардию в бой.

«Отправить».

Завертелся значок состояния браузера, и все закончилось. Материал пошел.

Внезапно у него возникло странное чувство, что что-то не так. Но сегодня попросту был такой день, а нервы Норберта пребывали не в лучшем состоянии, и оттого он аж подпрыгнул в кресле.

Они стояли у него за спиной, таращась в экран.

Хозяин и шипастый Кирияма.

Оба стояли и смотрели на ивент, молча и не шевелясь, с напряженными и озабоченными лицами. Когда Норберт повернулся к ним, бармен с серьезным видом кивнул и вручил ему новую банку «Асахи», а затем достал бело-синюю пачку японских табачных сигарет «Хайлайт».

– Фри презент, – сообщил он.

Раздался щелчок.

Кирияма протягивал в его сторону кулак с выставленным большим пальцем, словно в древнем жесте «удачи», только на конце пальца покачивался голубой язычок пламени.

Норберт закурил и поблагодарил кивком.

Дело было сделано. Можно было не спешить.

Теперь оставалось как-то добраться до отеля, а там попытаться поесть и упасть на кривую бетонную кровать. А потом, прежде чем ему удастся добыть билет на какой-нибудь самолет домой, он сможет просто сидеть и без конца смотреть на счетчик заходов.

Отчего-то он только теперь понял, что не лучшим образом отнесся к своим спасителям. С другой стороны, он позаботился о том, чтобы ни на одном кадре не было видно их лиц. Он понятия не имел, кто они и откуда взялись, но надеялся, что они не обратят на него внимания. А даже если и так, он был уверен, что никогда их больше не увидит.

Норберт еще не знал, насколько он ошибался.

Возвращение домой оказалось столь обременительным предприятием, что его так и подмывало остаться в «Кингс Меридиан». Пока он жил в номере отеля, никаких серьезных проблем у него, в общем-то, не было. Страдающий астмой кондиционер, однообразная скверная жратва, завывающие за окнами пять раз в день муэдзины, перебои с водой и электричеством, гигантские тараканы, бассейн с бурой водой – и не более того. Спокойная, беззаботная жизнь.

Ивент сработал. Норберт мог сидеть и смотреть на счетчик заходов, который уже три дня крутился как сумасшедший – он почти чувствовал дуновение, бьющее с экрана армейского бронебука. Может, он и не заработал столько, сколько несмело подсказывала ему тайная надежда, но на какое-то время средства у него имелись. Он мог отдать долги, оплатив бесчисленные взносы – климатические, кадастровые, медицинские, страховые, пенсионные, висевшие у него на шее с того момента, когда ему стали редко попадаться хорошие ивенты и он перестал зарабатывать выше определенного уровня. Выбив у рекламодателей первую часть своего гонорара, он прежде всего заткнул пасть государству, со странным двойственным ощущением, будто платит шантажисту. Сперва он с тоской смотрел, как только что заработанные евро уходят с его счета, а когда все закончилось, испытал некое облегчение.

Он мог возвращаться. У него осталось достаточно денег, чтобы оплатить не слишком долгий период относительно пристойной жизни, поискать очередные ивенты, снова обрести почву под ногами, пока ему невыносимо не наскучит свинцовое небо, холод, и прежде всего хор ханжеских голосов, внушающих, о чем ему следует думать, что ему следует есть, что должно быть для него важнее всего, как он должен жить и зачем. Рано или поздно ему предстояло вновь болезненно ощутить на собственной шкуре тысячи невероятных выдуманных запретов, а пока он слегка тосковал по дому, хотя нисколько не сомневался, что самое большее через пару месяцев заберет уцелевшие деньги и снова упакует обшарпанный кевларовый чемодан фирмы «Хели».

В Дубае начало становится слишком дорого, слишком сложно и во всех смыслах слишком жарко. Поражение Братьев Смерти разбудило улицы – поклонников джихада, диванных салафитов, любителей-моджахедов и шахидов-теоретиков. Виной тому стал его ивент. Теперь он мог взглянуть в окно на последствия собственных действий – едущие неизвестно куда набитые орущими людьми пикапы с трепещущими зелеными флагами, хоровые крики и толпы в масках, поднятые кулаки. Пока что жгли только европейские и американские флаги, а

также бумажные фигуры шейха. Пока что со стороны центра доносился пульсирующий рев толпы и глухие хлопки слезоточивых гранат.

В любой момент могло случиться все что угодно. Или вообще ничего.

Так или иначе, Дубай временно перестал его устраивать.

А потом оказалось, что все не так просто.

Поскольку у него не было омнифона.

У него остался паспорт, компьютер, но не коммуникатор, контроллер, протез мозга, бумажник и идентификатор в одном лице. Когда он пытался решить какой-либо вопрос, дело неизменно заканчивалось фразой: «Скачайте приложение». А потом: «Продаем только омни-билеты», «Обслуживаем только организованные группы», «Просьба связаться со своим оператором», «Сообщите номер омника».

С оператором тоже ничего не удалось решить, поскольку саперские кусачки Кролика перерезали его сим-карту. Оказалось, что Норберту нужно идти в родное отделение оператора и там подтвердить, что он действительно тот, за кого себя выдает, чтобы ему сделали новую карту. Только так он мог сохранить старый номер, базы данных, облака и историю договоров. До родного отделения было две тысячи километров.

В итоге покупка билета заняла у него три дня.

Два из них он потратил на безнадежную борьбу с офисами авиакомпаний, и еще один на то, чтобы привлечь знакомого турецкого гастарбайтера из администрации отеля, некоего Сулеймана. Достаточно быстро оказалось, что можно найти сестру, у мужа которой есть шурин, чей брат знает кого-то, у кого имеются связи в «Эйр Эмирейтс». Два кило евро сверху – хоть в дирхамах, хоть в турецких лирах, хоть в долларах. Ноу проблем, май френд.

Собственно, он начал жалеть уже во время взлета, когда, высунувшись со своего ряда кресел, в последний раз увидел в далекий иллюминатор кусочек кирпично-красной земли и желтоватые, миниатюрные, словно рассыпанные пиксели, дома.

А еще через несколько нескончаемых часов, заполненных писком в ушах, мигренью, жаждой, голодом, болью в заднице от жесткого пластика и тупого созерцания серого коврового покрытия с мелким синим узором, скрипящий и раскачивающийся в воздухе аэробус миновал серо-зеленое побережье Хорватии, пронес свою напоминающую куриную лапу тень по скалам Пьемонта и вонзился в похожую на вытащенную из старого одеяла вату графитовую пелену туч над Центральной Европой.

Впечатление было такое, будто они влетали в пещеру – мрак, горизонтальные струйки дождя на стеклах иллюминаторов. Казалось даже, будто в самолете стало холоднее.

Потом была посадка в Бове-Тилле[3 - Аэропорт в 85 км от Парижа, в настоящее время используется бюджетными авиакомпаниями.], которую он пережил словно во сне. Сперва, оглушенный и сбитый с толку, он тащил за собой чемодан по нескончаемым, испещренным голограффити коридорам. Ему пришлось стоять в отдельных очередях, поскольку омнифона у него не было, а билет с чипом и магнитной полосой вызывал ужас и недоверие, – никто не знал, что с ним делать, и от Норберта лишь отмахивались. Он помнил замусоренные полы, ряды бездействующих магазинов и кафе, пугающе длинные очереди, спины пассажиров, высокомерных чиновников, говоривших только на сленговом французском и арабском. (Tu cherche que, toi?[4 - Эй ты, чего ищешь? (Фр.)]) В конце концов он снял наличные в банкомате, поймал крайне занятого парня в летной форме, похожего на суданца, и вручил ему билет, одновременно показав двести евро. Тот вскоре вернулся и отвел его к какой-то стойке, где ему наконец выдали посадочный талон и сообщили, что ему следует идти к гейту номер 134, а в конце суданец протянул руку за банкнотой.

Потом он катил свой багаж по бесчисленным бездействующим траволаторам, мерз в полностью пустом зале ожидания, где не было ничего, кроме похожих на неглубокие тазики оранжевых пластиковых кресел и неработающего автомата с вегетарианскими закусками. Остекленный пузырь зала ожидания выходил на полутемное летное поле, где светились лишь огни полосы и хлестал по мокрому бетону дождь. Несколько стекол были разбиты, и оттуда тянуло ледяным холодом. Загнанная в угол группа ожидавших самолета до Модлина[5 - Второй по значению аэропорт Варшавы, в настоящее время используется бюджетными авиакомпаниями.] напоминала толпу беженцев. Однообразно ныли несколько младенцев, люди кутались в куртки и свитеры; не хватало только свернутых в тюки постелей и клеток с курами.

Норберт сидел, скорчившись от холода, в свитере и туристической ветровке, и смотрел на собственные руки, думая, что, собственно, случилось со всем миром. Все вокруг: зал ожидания, летное поле и даже Дубай-Сити, уже превратившийся в раскаленный от солнца невероятный сон, – производило впечатление чего-то возведенного на обломках предыдущей цивилизации. Когда-то, совсем недавно, существовала целая отрасль услуг, в задачу которых входило сделать воздушные путешествия удобными и даже комфортабельными. Окружавший его сейчас аэропорт был тогда полон огней, магазинов, кафе и баров. Здесь имелись кинотеатры, массажные салоны, фонтаны, мягкие кресла и диваны. Куда бы ты ни отправился, там всегда находилось что-то, помогавшее приятно провести время в пути, отдохнуть, утолить голод или жажду, убить время ожидания пересадки или сделать покупки. Он не мог понять, кому все это мешало. Постепенно погасли огни, стихли фонтаны, кресла превратились в жесткие сиденья, была запрещена продажа алкоголя, ограничилась до минимума возможность что-то съесть или выпить, смолкла музыка, исчезли зоны беспроходной торговли. Пассажиры покорно воспринимали перемены, а несмелые протесты тут же подавлялись с помощью произносимых умным тоном банальностей об «экономии» и «безопасности». Никто, правда, не знал, что опасного в удобном диване и работающем туалете или какое отношение имеет ограничение торговли к экономии, но поучительного и строгого тона обычно оказывалось достаточно. И уж наверняка достаточно было свершившихся фактов.

Незаметно аэропорт превратился в мрачное неухоженное пространство, предназначенное для того, чтобы без конца стоять в очередях под бдительным оком камер, позволяя обнюхивать себя собакам, или вжиматься задницей в одну из многих прикрепленных к стальным рельсам пластиковых мисок и смотреть на свои руки или в бетон стены, украшенный большим полотнищем с перечеркнутыми кружками запретов. Семь рядов по пять. Тридцать пять различных действий, подлежащих запрету, причем лишь из числа неочевидных. Там отсутствовал запрет красть вещи у других пассажиров, разводить костры или запихивать орущих детей в мусорный контейнер. Однако о том, чтобы запретить целоваться и петь, не забыли – как будто у кого-то в этом продуваемом сквозняками бункере могло возникнуть такое желание.

И все потому, что у него не было омнифона. Бронебук лежал в опломбированном чемодане, будучи слишком большим для ручной клади, ограниченной до размеров пачки салфеток. Он мог взять на борт самолета омник, но потерял его. Без него Норберт не мог играть, не мог читать, не мог ничего делать в Сети, не мог разговаривать, покупать, слушать радио, а в самолете – активировать экран

и пользоваться доступной на борту базой игр, фильмов и музыки. Как-то незаметно висящая на поясе нашпигованная электроникой плоская коробочка и миниатюрные импланты в запястьях оказались необходимы для всего подряд.

Вдруг он с ужасом понял, что не знает, что будет делать, когда наконец доберется до Модлина. Чтобы оплатить какой бы то ни было транспорт, требовалось «городское приложение». Если он наткнется на открытые магазины, те наверняка не будут в такое время суток принимать наличные, чипы или карты, а потребуют оплату омником даже за бутылку воды.

Внезапно, может, из-за усталости и мерзкого сочетания боли в животе, голода, сонливости, скуки и холода, Норберт почувствовал, будто на него снизошло откровение – словно на отшельника после многодневного поста в глубине пустыни.

У него не было омнифона.

И неожиданно до него дошло, что по этой причине он является единственным человеком в поле зрения, осознающим реальность. Единственным, кто видит эти окутанные полумраком темные коридоры, выбитые стекла, граффити на опущенных жалюзи. Единственным, кого мучает жажда, голод и усталость.

Стоявшая у остекленной стены напротив женщина оживленно жестикулировала, извергая из себя непрерывный поток претензий и жалоб. Ее крик отражался от потолка, увязая в ропоте разговоров, и никто не обращал на нее внимания. Она просто стояла посреди пустого пространства, со скоростью пулемета выпаливая одни и те же полные ненависти фразы, как заведенная – будто играла в некоей скучной пьесе. Обычно он на нее бы даже не взглянул, но сейчас, будучи единственным, кто пребывал в реальном мире, он не воспринимал ее как ведущую личную беседу с загадочным невидимым Северином. Никакого Северина здесь не было, а женщина не говорила в микрофон или какое-либо иное устройство. Он видел лишь сумасшедшую актрису, разыгрывающую представление в одном лице и высказывающую претензии ко всем вокруг или к темным взлетным полосам. Неподалеку мужчина в обтягивающем блестящем костюме объяснял бездействующему автомату с напитками нюансы продажи каких-то «пээрэсов» и значение «возвратных фактур». Седой господин лет семидесяти, в куртке из термопены с капюшоном, стоял, расставив ноги и раскрыв рот, и со странной гримасой на лице рисовал пальцами в воздухе круги – сперва в одну, потом в другую сторону. Еще один рядом с ним медленно

приседал, расставив руки. Женщина сбоку сидела неподвижно, открыв рот и качая головой, как удивленный попугай, затем вдруг вскочила и закричала, а потом снова села и возобновила гипнотизирующие движения головой, словно кобра в корзине факира. Кто-то вглядывался в свои руки, перебирая в воздухе пальцами, словно зачарованный их движениями, другой яростно сражался с воздухом, нанося удары и пинки, не вставая с сиденья, будто парализованный ниндзя. Рыжая женщина справа, со столь бледной кожей, что ее веки казались красными, кормила грудью несуществующего младенца, одновременно произнося прямо в мерцающую лампочку под потолком нескончаемый монолог и время от времени делая глоток из воображаемой чашки.

Норберт удивленно озирался вокруг, внезапно увидев перед собой лишь остекленный зал, полный сумасшедших.

У него не было омнифона.

Он не закрывал глаза дисплеями, выводившими на сетчатку туманные образы пространства МегаНета. Имплант в черепе не посылал едва заметных импульсов в окрестности височной кости, генерируя ощущение звуков. Он находился здесь и сейчас, в зале ожидания с голыми стенами, заполненном подрагивающими, пляшущими, кричащими и бормочущими безумцами.

Естественно, он знал, что все вокруг играют в разные игры, встречаются с друзьями, решают свои дела, флиртуют, строят козни или ведут крайне серьезные диспуты о политике, но, глядя на них собственными глазами со своего сиденья, никак не мог в это поверить. Все вокруг него пребывали в собственном мире, которого не существовало. Настоящим был лишь погруженный во мрак зал ожидания аэропорта Бове-Тилле у гейта 134, пока что темного и бездействующего.

Неоновые миражи в головах этих людей не существовали как нечто реальное. По сути, за исключением случаев, когда кто-то из них разговаривал через «ГлобКом» с живым человеком, находившимся в тысячах километров отсюда, все, что они видели, могло быть лишь творением серверов. Все было фикцией, включая фигуру какого-то спорщика, являвшегося лишь графикой из программы «Мэйк-Аватар».

Реальными были холодный пол под ногами, мокрый ледяной ветер, свистевший сквозь выбитые стекла и заклеенные полицейской черно-желтой полосой двери в туалет, но никто их не замечал. Эти люди не видели ничего, кроме пульсирующей ткани МегаНета, – лишь ковер разноцветных пикселей, которые иногда имели значение, а иногда нет.

Норберт понял, что сидит тут один.

И еще – что он не отличил бы настоящего сумасшедшего, охваченного приступом шизофрении, от обычного добропорядочного гражданина, ожидающего у гейта 134 самолета дешевых авиалиний «ХуманКарго» до Модлина и просто убивающего время.

Раньше это никогда настолько не бросалось ему в глаза. Ему вдруг стало интересно, ведет ли он себя точно так же, когда у него есть омнифон. Становится ли он очередным ушедшим в себя, приплясывающим и ухающим по обезьяньи безумцем?

Норберт смотрел на происходящее вокруг со странным чувством. Он сомневался, что отсутствия омнифона в сочетании с усталостью, голодом, холодом и жаждой достаточно, чтобы загнать человека в состояние измененного сознания, но сам он действовал словно в сюрреалистическом сне.

Табло над безлюдной посадочной стойкой было мертво и темно, а на общем информационном экране рядом с номером его рейса высвечивалось GATE CLOSED – и никакого времени открытия гейта. Так было всегда. Слоняться по аэропорту запрещалось (безопасность), впрочем, в этом не было никакого смысла (экономия). Он знал, что их могут так продержать три часа, а потом вдруг высветить GATE OPEN и LAST CALL в течение пяти минут. Впрочем, обладатели омнифонов сразу же получают информацию в виде мерцающей полоски поперек поля зрения, а если они скачали приложение «Менеджер опеки», система будет знать, где они находятся, и позаботится о том, чтобы они попали куда нужно.

И все же Норберт двинулся куда глаза глядят, совершив преступление в виде оставленного без присмотра багажа (безопасность). Собственно, ему хотелось найти работающий туалет, который, черт побери, должен же где-то быть, а возможно, и работающий автомат с напитками. Или чего-нибудь поесть. Или

просто размять ноги, которые болели так, словно он прилетел сюда с Аравийского полуострова в ящике из-под апельсинов. Он чувствовал себя как во сне, в котором человек вдруг осознает, что прогуливается по улице в голом виде, выглядя совершенно неуместно и странно. Как единственный, осознающий реальность.

Единственный бодрствующий посреди всеобщего сонного царства.

Прогулка по остекленным коридорам, освещенным лишь рядами голубых искорок аварийных светодиодов, лишь усугубляла это впечатление. Ему не хотелось уходить далеко, чтобы не прозевать открытие гейта, но ему нужна была бутылка воды, шоколадный батончик, ибупрофен, бутерброд (только не с хумусом) и туалет – не обязательно в указанной последовательности.

Часть этих проблем он мог бы в экстренном порядке решить, несколько раз затянувшись кибереткой, но ингаляторы давно вошли в длинный список запрещенных к провозу в салоне предметов.

За выпуклыми окнами стеклянных туннелей хлестал дождь, отражаясь от асфальта летного поля, но внутри было нисколько не уютнее. Откуда-то тянуло влажным холодом, в потрескавшихся стеклах свистел ветер.

Норберт добрался до пересечения с другим коридором, столь же мрачным и пустым, как и тот, по которому он шел. У него все еще кружилась голова, и все вокруг казалось нереальным. Он уже не знал, то ли ему снится кошмар, то ли он наяву блуждает по кошмарному аэропорту. Сперва он подумал, что во сне не должен ощущать боли, но, с другой стороны, если он задремал в зале ожидания, значит, он в самом деле страдал от холода, боли во всем теле, жажды и голода.

Наперерез ему с тихим свистом пневматических движителей пронеслось несколько человек в черных комбинезонах и закрывающих лица вязаных шапочках, неподвижно стоявшие на сегвеях подобно шахматным фигурам. Пожалуй, единственной пользой от этого абсурдного транспортного средства, от которого в начале века ждали революции в уличном движении, было то, что спецслужбы могли быстро перемещаться, не возбуждая паники. Группа жандармов, бегущих по вокзалу, аэропорту или торговому центру, вызывает тревогу, а подобный забег на гироскутерах – нет.

Пройдя еще несколько метров, он наконец сдался.

За стеклами виднелись припаркованные возле здания загадочные машины, массивные и приземистые, словно миниатюрные танки, где-то вдали маячили одинокие самолеты, блестя от дождя в отдаленном свете огней полосы, и все это казалось заброшенным и давно бездействующим.

У самого горизонта взмыл над полосой далекий аэробус, таща за собой клубы светящегося тумана и мигая позиционными огнями; выпущенные шасси напоминали подогнутые когти. Норберт посмотрел ему вслед, убеждаясь, что аэропорт все-таки функционирует и существует на самом деле.

Едва он пришел к выводу, что ему это все же не снится, как на пустом мокром асфальте летного поля вспыхнул яркий свет, похожий на разряд сварочного аппарата или магниевую вспышку. На мгновение появились очертания машин, каких-то ламп и мачт, отбрасывая длинные тени. Он инстинктивно сжался в комок, но это был не взрыв – вспышка длилась лишь секунду и была бесшумной. Мгновение спустя свет погас, и на его месте появились три тощих силуэта, темные и нечеткие, словно одетые в конькобежные комбинезоны с капюшонами. Их лица и руки все еще испускали яркое свечение, которое, однако, постепенно угасало до фосфоресцирующего отблеска, пока они расходились в разные стороны по летному полю, и полностью погасло, когда они скрылись где-то между тягачами и цистернами, слившись с тенью и мраком.

Норберт стоял, опершись о балюстраду, и, наклонившись вперед, не сводил глаз с происходящего, а его руки совершали поспешные жесты. Наконец сообразив, что делает, он беспомощно опустил руки. Не имея ни очков, ни омнифона, он все равно пытался зафиксировать ивент.

У него не было аппаратуры. Он не мог ничего записать и никому показать. А значит, этого вообще не существовало.

С глухо колотящимся сердцем он двинулся назад. Коридор плыл у него перед глазами.

Кем были те таинственные люди на летном поле?

В самом ли деле он их видел?

И почему, собственно, ему это показалось странным? Трое одетых в темное людей бродили между машинами наземных служб. Их не было видно в темноте экологично освещенной полосы, а потом они на мгновение зажгли какой-то свет, отразившийся от их лиц и рук. Фонарь, сварочный аппарат, ракета?

На перекрестке он разминулся с женщиной в жутком белом макияже, которая приплясывала, словно заводная фигурка на старомодной музыкальной шкатулке, притоптывая на месте и вертясь с поднятыми над головой руками.

Норберт прошел мимо нее и даже не оглянулся.

Теперь он был уверен, что бредит. Он не помнил, когда еще ему приходилось так долго существовать с отключенным доступом к Сети, не видя ничего, кроме голой бурой реальности. И это его тревожило – он не был уверен, происходит ли это только с ним, или внезапно исчезла вся Сеть и мир заполнился обезумевшими лунатиками.

Он подозревал, что если ему все это снится, то до зала ожидания он уже не доберется, и так и будет блуждать по все более идиотским локациям, мучимый неясной мыслью, что ему надо куда-то успеть.

Таковы были правила сновидения.

Тем временем он без каких-либо проблем вернулся назад, а зал ожидания выглядел точно так же, как и раньше.

И точно так же, как и раньше, его заполняли бредящие психопаты.

Ощущение нереальности не покинуло его даже тогда, когда, по прошествии двадцати шести часов с начала путешествия, он уже добрался до места, получил багаж и позволил аэропорту выплюнуть его на мокрый бетон перед терминалом в Модлине, под стоящий на столбах навес, по которому хлестали ветер и дождь.

Метро еще не ходило, как и электричка.

Впрочем, городского приложения у него все равно не было.

В самолете он заснул, опираясь головой о сиденье впереди, за что теперь расплачивался болью в затылке. Ему снились коридоры, полные безумцев и появляющихся из ниоткуда силуэтов в конькобежных костюмах, и он сам не знал, что из всего этого происходило с ним на самом деле.

По прилете он тут же ворвался в туалет и напился воды из-под крана, то и дело отключавшегося из-за датчика движения. Он утолил жажду, но теперь ему казалось, будто его желудок заполняет огромная, ледяная, воняющая хлором медуза.

Норберт блуждал в поисках остановки ночного автобуса, минуя угловатые фигуры облаченных в кевлар полицейских и не в силах поверить, что еще вчера утром он проснулся на Аравийском полуострове. С того момента прошло чуть больше суток, но все равно ему это казалось невероятным. Там ночной воздух был синим и горячим, рассвет приносил с собой завывания муэдзинов, а черный горизонт выплевывал солнце, в самом деле напоминавшее шар раскаленной плазмы. Здесь всегда было более или менее темно, а солнце являлось лишь теоретическим объектом, якобы существовавшим за окутывавшей мир буровинцовой пеленой.

То и дело раздавался тихий, действующий на нервы звук, похожий на жужжание стаи стальных шершней, и в туманном от измороси небе, слегка подсвеченном немногочисленными натриевыми фонарями, проносился округлый силуэт дрона. Иногда без каких-либо причин включались нацеленные вниз прожекторы, и столбы света упирались в землю, шаря, подобно любопытным пальцам, по редким машинам, лицам прохожих или пространствам газонов. Черные двухметровые диски, дрейфующие над головой, напоминали инопланетное вторжение в миниатюре.

Можно было пойти до города пешком.

Каких-то сорок километров.

Можно было дожидаться открытия каких-нибудь киосков и там попробовать купить билет, не требовавший омнифона, хотя Норберт не знал, существует ли вообще нечто подобное.

Можно было также отыскать банкомат, снять наличные и попытаться найти такси, заплатив втридорога.

Именно так он и поступил – в конце концов, на какое-то время он был богат.

Поездка через темный, блестящий от дождя город, где светили лишь некоторые фонари, заняла час. Он наполовину лежал на сиденье, пытаясь найти позу, в которой его отпустила бы тупая боль в позвоночнике и шее, и наслаждаясь удобством нормального автомобильного дивана. Такси было на самом деле компактным электромобилем, где трое пассажиров были бы вынуждены ехать как сельди в бочке, с багажом на коленях, но после суток, в течение которых он был отдан на милость дешевых авиалиний, оно казалось ему десятиметровым лимузином.

– Добро пожаловать домой, сэр, – пробормотал он, опираясь щекой о дверцу и бездумно глядя сквозь забрызганное дождем стекло на мокрый, утопающий в темноте город. Сперва перекопанные стройки объездных дорог и эстакад, где брошенные оранжевые бульдозеры мокли среди бетонных блоков и разъезженных насыпей, среди мигающих желтых огней, питавшихся от солнечных батарей, что напоминало некую мрачную шутку. Потом – темный пустой центр, где по погруженным во мрак улицам изредка проносились одиночные пневмо- и электромобили, миниатюрные, словно инвалидные коляски с крышей, а иногда кошмарным блеском отражалась фигура несокрушимого велосипедиста в биолюминесцентном комбинезоне, крутившего под дождем педали.

Потом – Урсинов[б - Спальный район на юге Варшавы.], маячащий в темноте, словно пересеченный каньонами горный массив. Иногда они проезжали мимо стоявших на обочине патрульных машин с большими массивными колесами, угловатыми, словно вытесанными из гранита, бронированными кузовами и узкими, затянутыми сетками окнами, зато окрашенных в безмятежный серебристо-голубой цвет с отражающими элементами.

Потом он расплатился, просовывая в щель податчика банкноты одну за другой и дожидаясь щелчка разблокированных замков. Вокруг высились, отбрасывая стеклянные отблески, башни небоскребов.

Стоя на пустом тротуаре, Норберт взглянул на свой уходящий в небо экологичный многоквартирный дом, на выпуклую стену, покрытую мозаикой одинаковых прямоугольных окон и миниатюрных полукруглых балкончиков, с которых свешивались гирлянды ящиков с растениями и торчали в небо похожие на зонтики чаши солнечных коллекторов. Он не мог разглядеть собственное окно, но его вдруг охватило чувство чего-то родного. Он вернулся домой.

Где-то в глубине души он ощущал параноидальный страх, что у него отобрали квартиру. Вроде бы он платил регулярно, но какие-то два или три месяца у него не было ни гроша. Теперь он вернул все долги с лихвой, но, возможно, было уже поздно, или одному дьяволу ведомо, что еще. Администратор руководствовался весьма своеобразными принципами – одни могли задерживать плату месяцами, упражняться по ночам в игре на тамтамах и разводить в своих висячих садах мак или индийскую коноплю, других же пугали штрафами за чуть более громкий шепот после десяти вечера.

Код ко входной двери сработал. Норберт облегченно вздохнул, а потом, опершись задом о поручень в воняющем чем-то металлическим лифте, тупо уставился на стену, разукрашенную перечеркнутыми пиктограммами, запрещавшими совершать самые разнообразные поступки в собственном доме, и возблагодарил небеса за то, что так и не поставил себе омнизамок. Теперь он уже не сомневался, что не поставит его никогда, – удобство, заключавшееся в возможности открыть дверь одним жестом, не стоило подобного риска. Мир был полон Кроликов с саперскими кусачками в руках, которые могли одним движением лишить Норберта возможности не только проехать на метро, но и открыть собственную дверь. Если бы не старый чиповый ключ на потертой карточке, в ближайшие пару дней ему пришлось бы ночевать на коврике у родного центра обслуживания клиентов, дожидаясь омнифона.

Коридор на его этаже, темный и тихий, тянулся дугой обшарпанной, песочного цвета терракоты в зеленоватом свете аварийных светодиодов, словно уснувший пустой аквариум.

Раздражающе грохоча колесами чемодана, Норберт лавировал среди велосипедов, которые не разрешалось здесь ставить, но велосипедисты все равно это делали, словно уверенные, что их ежедневные страдания наперекор погоде дают им права, недоступные обычным смертным.

Он отсчитывал номера на дверях, как в отеле. В этом доме он жил уже несколько лет, но какая-либо точка отсчета отсутствовала – лишь нескончаемая дуга коридора и одинаковые, имитирующие древесину, двери.

Успокаивающе щелкнул замок, издав четкий, свойственный исправному механизму металлический звук.

Квартира встретила Норберта полузабытым родным запахом, смешанным с легкой затхлостью и пылью. Вставив ключ в гнездо, он бездумно щелкнул пальцами, чтобы включить свет, но омнифона у него не было, так что ничего не произошло. Потом он начал щелкать ручным выключателем, пока до него не дошло, что еще слишком рано, и электричество дадут только в половине шестого, а значит, и душем тоже не воспользуешься.

У него имелся аварийный генератор, работавший от пневмопривода, но в баллоне со сжатым воздухом не было давления. Раздалось лишь анемичное, словно на последнем издыхании, шипение, генератор заворчал и смолк.

– Всегда перед отъездом заменять баллон, – сообщил Норберт несуществующему омнифону.

Найдя на ощупь походный фонарь с динамо-машиной, он завел пружину до упора и поставил устройство на прилавок, отделявший кухонный уголок. Честно говоря, он настолько устал, что ему расхотелось спать – он лишь дрейфовал в некоем туманном пространстве, словно лунатик.

Фонарь тихо жужжал, заливая комнату тусклым желтоватым светом триодов, в котором квартира казалась еще меньше обычного. От двери до окна едва можно было сделать пару шагов. Компактная машина для проживания.

– Ладно, я дома, – объявил он.

Никакой реакции не последовало.

– Дорогая, я вернулся, – попробовал он еще раз. Снова ничего.

Норберт знал, что в холодильнике ничего нет, поскольку перед отъездом опорожнил его и выключил, но все равно туда заглянул в тщетной надежде найти что-нибудь непортящееся в герметичной упаковке. Что-нибудь, кроме фалафеля, клонированного тунца, риса с овощами или похлебки из жирной баранины.

И еще он нуждался в питье. Вода, кола, молоко, чай – что угодно.

А потом – снова еда. Лучше всего что-нибудь польское, домашнее. Со свининой. Копчености. Колбаса. Соленые огурцы. Приличный сыр. Настоящий хлеб. Глоток чего-нибудь покрепче. Табачная сигарета (после блокировки датчиков). Целая палитра преданных анафеме, выброшенных в специальные магазины, облагаемых высокими налогами, а иногда и запрещенных продуктов.

Поставив фонарь на пол, он обшарил кухонные шкафчики, рассчитывая на свой атавистический инстинкт, мучивший его с детства. Он всегда припрятывал какие-то запасы на случай катастрофы, внезапной пропажи в джунглях или вторжения инопланетян, вне зависимости от реальной необходимости. Проблема заключалась в том, что, когда он уезжал, у него имелись только деньги из неприкосновенного запаса и билет. Беспорядки в Дубае стали единственной его надеждой на приличный ивент, который позволил бы ему оттолкнуться от дна. В итоге, прежде чем закрыть за собой дверь, он сожрал даже запасы макарон и риса, которые в обычном доме болтаются до бесконечности, дожидаясь великого момента приготовления чего-нибудь с нуля.

Норберт обшаривал собственный дом, словно агент тайной полиции, заглядывая в самые разные закоулки, поскольку знал себя. В последнее время нужда часто заглядывала ему в глаза, и ему уже доводилось приклеивать липкой лентой снизу к столам пачки контрабандных сигарет «Чжуннаньхай» или «Цзиньлинь» или засовывать шоколадные батончики в контейнер для капсул с кофе.

Он обыскал кухонные шкафчики с дотошностью африканского таможенника, но единственным, что ему удалось обнаружить, оказалась пачка подозрительных крекеров с добавлением водорослей нори, пакет сгущенного молока и банка домашнего клубничного варенья, оставшегося после какой-то из встреч Тайного общества дегустаторов.

Едва он уселся за стол, намереваясь приступить к столь странной трапезе, как, наконец, включили электричество, так что он смог развести сгущенку водой из-под крана и получить что-то вроде стакана молока.

Крекеры с водорослями имели привкус соленого манго, и их явно не следовало есть вместе с вареньем.

Последнее, что он помнил, – как достал из стенного шкафа фuton[7 - Японский матрас.] и постельное белье, после чего развернул его на полу.

???

Он проснулся часов через восемь, все еще уставший, с ощущением, что мог бы без труда спать и дальше, но его снова мучил голод.

К тому же он боялся снова заснуть. Он очнулся, лежа навзничь и сдавленно крича; перед его глазами все еще стояли падающие словно тряпичные куклы люди в белых дишдашах, пропитанных струящейся по бетону кровью. В ушах звучал треск выстрелов, вокруг бегали люди с перепуганными лицами. Он видел остекленный туннель аэропорта и пляшущих безумцев с пустыми взглядами, заполненными белым шумом, словно экран настроенного на несуществующий канал телевизора. По коридору шли двое в черных обтягивающих конькобежных комбинезонах, с ярко освещенными лицами и пистолетами в руках. Проходя мимо безумцев, они поднимали пистолеты, раздавался выстрел, и очередной человек валился наземь, безвольный как тряпка или корчась в агонии, а в воздухе на долю секунды возникало облачко распыленной крови, и о металлический пол звякала гильза. В конце концов он сам уставился в черное отверстие горячего, воняющего порохом дула, из которого сочился голубоватый дым. «К вашим услугам», – сказал Кролик.

Какое-то время Норберт лежал на футоне, водя по своей миниатюрной квартире ничего не понимающим бараньим взглядом, а потом покрутил головой и сел.

Дом.

Оливковое ковровое покрытие, пустые стены, скрывающие внутри себя шкафы и шкафчики с облицованными пастельного цвета фанерой дверцами, столик для

коктейлей, минималистичная мебель под окном из стеклянных пластин и хромированных труб, где на подоконнике обитало неуничтожимое деревце-бонсай из модифицированной корейской сосны, покрытое зеленой клонированной кожей кресло. За шедшим вдоль всей комнаты окном внизу виднелись кварталы невысоких домов двадцатого века, перемежавшихся более поздними многоквартирными домами самых странных форм, похожими на застывшие кристаллы, много неба и Кабатский лес на горизонте. Сейчас, однако, вид состоял в основном из грязноватого тумана и маячивших в нем серых призраков зданий.

Внутренность квартиры выглядела столь же безлико, как и бесчисленные номера отелей, в которых ему доводилось жить. Четыре стены, что-то для сна, какое-то окно. По-настоящему она превращалась в родной дом, когда он опускал свернутый под потолком голодисплей, включал музыку, садился в кресло и смотрел что-нибудь, читал или окружал себя призраками пейзажей из своего фотобанка и размышлял, потягивая алкоголь, если его удавалось достать, или чай, если, в свою очередь, удавалось достать его. Если подумать, то его дом частично располагался в МегаНете, а частично в матовом черном кубе дата-сейфа из титана и матового фуллерена, с ребром в двенадцать сантиметров, в котором находились три блока памяти по гептабайту каждый. Там он хранил свое прошлое, свои мечты и свой дом. Запахи, звуки и образы. Все те места, которые ему хотелось бы видеть в окно и иметь на расстоянии вытянутой руки, все те творения, бывшие словно звуковой дорожкой его души, которые он тщательно собирал по всему МегаНету в течение многих лет. Все книги и фильмы, сопровождавшие его как верные друзья. Всех женщин, которых он потерял, но остававшихся рядом.

Имея собственный дата-сейф, он мог построить дом где угодно – была бы крыша над головой и четыре стены, защищающие от внешнего мира. Достаточно было организовать какое-нибудь место для сидения, динамики, голопроектор – и кивком пробудить к жизни собственное убежище. А если бы он лишился дисков, у него имелись копии, спрятанные в личных облаках в Сети. Он был бродягой. На этом основывалась его философия – дом и личная жизнь сводились к переносной минимальной версии.

Квартира, состоявшая из базовых удобств, пространство четыре на шесть шагов, не считая кухонного уголка и ванной, окно, раскладной стол – что у него могли отобрать? Немного одежды и эту клетку? В случае необходимости он мог собраться за десять минут и уйти пешком, а вечером, расставив несколько

динамиков и проекторов, окружить себя домом где-нибудь в другом месте.

Его окно выходило на старый рассыпающийся дом, который десятилетиями стоял пустым, обрастая рошицами деревьев, вырывавшихся среди потрескавшихся бетонных плит, пока в каком-то году не ввели кадастровый налог – по-тихому, в рассрочку и не спрашивая ничьего мнения. Внезапно те, кто жил в собственных домах и на собственной земле, но не имел сельскохозяйственной лицензии, оказались разорены. Все, кто сбежал в деревню, кто заработал денег и хотел провести годы на пенсии в собственном домике, кто всю жизнь выплачивал кредит за дом и клочок земли, кто не имел официальных бумаг, подтверждающих занятие сельским хозяйством, но всегда жил на селе и не имел ничего другого. Оплата, составлявшая ежегодно один процент рыночной стоимости недвижимости, достигала суммы, которую никто из них никогда не видел воочию.

В течение трех лет армия бездомных заняла пустующие брошенные дома, такие, как этот. Тысячи сломленных, растерянных и разозленных людей, которым уже нечего было терять. Их судьба никого не волновала, поскольку в прессе их представляли как богатеев и латифундистов. Иногда полиция вторгалась в эти кварталы, исполняя закон, и тогда дело заканчивалось коктейлями Молотова и дикими беспорядками. Селянам некуда было отступить – они вовсе не хотели здесь жить. Они хотели вернуть свои отобранные фискальной службой дома, и злости их не было границ. Раздавались выстрелы, и падали трупы.

Вид на их трущобы с балкона казался не таким уж и угнетающим. Дома рассыпались, в них недоставало стекол, но они утопали в зелени, маскировавшей нищету листьями и травой. К тому же подобное соседство одних пугало, но для других оказывалось более чем полезно. Селяне разводили в сараях кур и свиней, высаживали на бывших газонах овощи, гнали, несмотря на строгий запрет, самогон и коптили колбасы, насыщая их бензопиреном от тлеющих сливовых поленьев, и торговали контрабандным табаком. Их территорию обходила стороной полиция, экодружинники и даже арабы, албанцы, нигерийцы и вьетнамская мафия. Нужно было лишь немного смелости, чтобы войти между баррикадами из старых автомобилей на их внутренний рынок.

Если знать правила, там было полностью безопасно.

Норберт захаживал туда, когда у него водились деньги. Он завел там знакомства и постоянных поставщиков. Порой они оказывались весьма полезными, но вид их каждый раз напоминал, что в нынешние времена не стоит ничего копить и ничем обзаводиться. По крайней мере, ничем таким, что не помещается в кармане.

А иногда, как подтверждала выпотрошенная скорлупа его омнифона, даже и этого оказывалось слишком много.

Было темно и пасмурно, с каждым порывом ветра в окна ударяли косые струи дождя, и Норберту страшно не хотелось выходить на улицу, тем более что вроде как было и незачем.

Вот только дома не было никакой еды и питья, отчаянно не хватало всяческих удовольствий, способных сделать жизнь более сносной, иссяк воздух в баллоне аварийного генератора и закончилась даже жидкость для киберетки. Ну, и ко всему прочему, у него не было омнифона.

Чемодан был полон грязных вещей, к тому же совершенно не подходящих для здешнего климата. Порывшись в шкафу, он нашел какие-то джинсы, поношенные армейские ботинки, термосвитер с капюшоном и плащ из клонированной кожи. Собственно, он даже забыл, что у него есть такой плащ, но, как обычно, вспомнил турка, который его продал. «Ягнятина-мантиль! Настоящая! Супер, гут!»

Тогда он был с Каролиной...

Норберт на мгновение уставился в пустоту, затем надел плащ из «ягнятины», взял пустой рюкзак, затолкал в него складную сумку на колесиках, забрал пустой баллон и вышел, бросив «пока» кустику-бонсай, невозмутимо тарасившемуся в окно.

Когда он вернулся, нагруженный так, что едва дотащил свои приобретения до двери, был уже почти вечер.

Прежде чем заполнить холодильник, он первым делом извлек деревенскую чесночную колбасу, завернутую в коричневый пергамент, и, все еще в ботинках и плаще, откусил большой шматок.

– Обожаю бензопирен, – сообщил он с набитым ртом открытому холодильнику. – Тот самый, которого загадочным образом не содержат немецкие, испанские и французские продукты. Вкус бензопирена на закате солнца – вкус дома.

Благодаря рынку селян, у него теперь имелся белый деревенский хлеб со слишком высоким содержанием глютена и еще более страшные булки, творог, сыр и масло с превосходящим норму содержанием жира, очередная доза бензопирена и нитритов в пахнущем вишневым дымом килограммовом куске ветчины, соленые огурцы в опасном для здоровья рассоле, сливовица в двухлитровой пластиковой бутылке, сама по себе являвшаяся крупным преступлением, и еще одна бутылка казахского виски. Ко всему этому прилагался блок контрабандных «козликов», концентрат колы без акциза из Турции и заряженный вручную баллон со сжатым воздухом, без сертификатов безопасности и без гарантии неиспользования детского труда. Даже купленные им помидоры, огурцы, редиска, цветная капуста и яблоки были выращены без какого-либо контроля, с попранием принципов глубокой экологии, вне зоны сбалансированного выращивания и с нарушением авторского права в области биотехнологий.

Каким-то чудом овощи, которые выращивали на балконах и крышах местные экоактивисты, считались официально свободными от загрязнений и от авторских претензий «Биотеха».

Критически взглянув на свои покупки, он оценил их на два года условно плюс штраф, плюс общественные работы, плюс сто пунктов на шкале антиобщественного поведения.

Разместив добычу на полках холодильника и в шкафчиках своей миниатюрной кухоньки, он уселся за отделявший ее от комнаты прилавок и методично уничтожил часть вещественных доказательств.

Электричество пока работало, так что он помыл посуду и залез под душ, где, скорчившись в крошечной ванне, целых пять минут позволил себе оттаивать под горячим искусственным дождем, смывая с себя Дубай, смрад автоматного топлива, вид струящейся по сухому бетону темно-рубиновой крови, хоровой вопль множества глоток и рев автоматов Коробова, в котором отдельные выстрелы сливались в однообразный шум. А также нескончаемое путешествие во мраке и холоде.

А потом он встал, запустил сушилку, сметая потоком горячего воздуха капли воды с тела, и пошел включать дом.

За окном в сгущающихся сумерках стучал по стеклам мелкий дождь, а вдоль стены из балконов бесшумно двигался полицейский дрон, словно сорванная шляпка гриба или миниатюрное НЛО, тарась чернотой сканеров из-под плоского купола, под которым скрывались резервуары с гелием.

Закрыв жалюзи, Норберт опустил свернутый в рулон голоэкранный экран, заслонив окно. Естественно, если бы его в самом деле хотели просканировать, это ничем бы не помогло. Он надеялся, что это всего лишь рутинный патруль.

Вернувшись в кухню, он достал пачку питьевого шоколада, одну из немногих лимитированных, но легальных вещей, которые он сегодня купил в акцизном магазине. Вставив капсулу в кофемашину, он предался чтению шаблонных фраз, громивших его за соучастие в доставке товара на расстояние почти в шесть тысяч километров и обвинявших в выбросе в атмосферу ста сорока семи дополнительных килограммов CO

, а также длинного перечня предупреждений, касавшихся вредных для здоровья веществ, поучений относительно правильной утилизации отходов и под конец – информации о здоровой альтернативе, каковой являлся «Желуделад»™ (без сахара), что бы это ни означало. Надпись проползла до конца, и на упаковке блеснул логотип фонда «Свобода от вредных веществ», а за ним девиз: «Твое здоровье принадлежит Обществу!»

Звякнула кофемашинка. Норберт забрал чашку и поставил ее на столик возле своего кресла, затем осторожно выглянул на балкон, но дрон исчез. Он надеялся, что тот полетит в сторону селян, где кто-нибудь собьет его стальным шариком из рогатки или пулькой из пневматической винтовки.

Налив себе сливовицы, он осторожно спрятал бутылку в шкаф, для надежности завернув ее в алюминиевую фольгу.

Включив бронебук, он соединился с банком данных и вывел на экран вид на горную долину в Южном Вьетнаме – полосы тумана над террасами чайных полей и торчащие, словно столбы, поросшие деревьями горы. Пасмурные, туманные

сумерки, мягкие, как прикосновение шелка. На фоне розовеющего неба пролетали черные силуэты птиц, легкий ветер шевелил заросли слоновой травы. Не хватало лишь тамошнего странного запаха и мокрой, тяжелой духоты.

Норберт тряхнул головой, пытаясь прогнать образ Каролины, примеряющей на базаре конусообразную шляпу из рисовой соломы, и сухо откашлялся.

Негромко включив «Slaughterhouse Symphony», он приготовил себе контрабандную колу, затем нашел на дне банки с чаем плоскую коробочку, в которой лежала небольшая пластинка с чипом и медными контактами, которую он засунул под головку датчика дыма. Экран домашней панели управления заморгал и потребовал пароля. Норберт ввел пароль, и сервер пришел к выводу, что все системы работают безупречно.

Дом.

Только теперь он был по-настоящему дома.

Доставая из сумки очередные коробочки, он чувствовал себя так, словно наступило Рождество. В утрате омнифона не было ничего хорошего, к тому же она адски затрудняла жизнь. Казалось, будто нарушена его собственная целостность; он ощущал отвратительный вкус беспомощности и унижения, отчего-то ассоциировавшегося чуть ли не с изнасилованием или возвращением к самым мерзким воспоминаниям детства, будто он снова оказался в школе, беспомощный шестилетка, отданный на милость и немилость любого преследователя. К тому же само отсутствие проклятого устройства отрезало его от мира, как будто Кролик временно вырвал ему язык.

С другой стороны, если бы не это, он наверняка остался бы со старыми очками и омником. Тот «блэкстоун», может, и не был последним криком моды, но пока что справлялся. Вот только он погиб в саперских клещах Кролика, а его место с гордостью занял новейший «монолит-CRX». Не какой-то дерьмовый «хуавэй» или «таофэн», но вполне приличный омник в корпусе из фуллерена и арагнофибрового ламината, с наноуглеродным каркасом. И вдобавок к нему – целый набор камер и регистраторов.

Норберт сидел среди распотрошенных коробочек, вкладышей из целлюлозной массы и крахмальных шариков из упаковок, попеременно прихлебывая шоколад,

сливовицу и колу и настраивая очередные устройства.

Он начал с самого? «монолита», которому необходимо было сперва опознать расположение устройств в его квартире. Новый дисплей окружал голову прозрачной полосой, легкий как перышко – собственно, он практически не ощущался. Сообщения и картинки, казалось, парили в воздухе в полуметре от лица, а с другой стороны их вообще не было видно.

Взглянув на перечень попадающих под контроль омнифона устройств, он с удивлением обнаружил, что получил власть над кофемашиной и музыкальным проигрывателем из соседней квартиры.

Норберт открыл кассету с набором миниатюрных регистраторов в виде ручки или неприметных клипсов, которые можно было пристегнуть к одежде. У него имелось целых две пары шикарных противосолнечных очков в итальянских оправках, на случай, если одни из них кто-нибудь раздавит, регистратор в виде коробочки органической жевательной резинки со вкусом авокадо, а также четыре автономных микродрона, каждый величиной с маслину, с прозрачными реактивными двигателями из неохитина. После однократной зарядки они могли летать два часа, автоматически оставаясь рядом с оператором и регистрируя то, что находилось в центре его поля зрения или на что он указал маркером. Он мог отправить их на расстояние до пятидесяти метров от себя.

Какое-то время он развлекался, запуская дроны в разных комбинациях по всей комнате. Он заснял с четырех сторон свою кофемашину, приказал облететь кругом складной унитаза в ванной; его так и подмывало отправить их за окно, к балкону симпатичной соседки двумя этажами ниже, но он струсил. Во-первых, он не был уверен в своем искусстве пилотирования и опасался за технику, а во-вторых, он вполне мог оказаться в тюрьме по обвинению в преследовании.

Норберт приобрел даже дисплей в виде наногеля, который следовало закапать в глаза, чтобы там из него образовались контактные линзы, но пробовать он пока не стал. У линз имелись свои недостатки – он купил только одну бутылочку, а линзы были одноразовыми, и не позднее чем через четыре часа нужно было прополоскать глаза специальной жидкостью, чтобы не заработать конъюнктивит. К тому же они вовсе не служили идеальным камуфляжем – кто-нибудь с острым зрением мог заметить микроскопические строки сообщений на фоне зрачка.

За ностальгическими сумерками в окрестностях провинции Ламдонг стучал по стеклам мазовецкий дождь, и гнал первые сухие листья ветер.

Зап. 3

Большое промышленное помещение было забито до отказа. Бетонные плиты на стальных опорах, лабиринт толстых оцинкованных труб вентиляционной системы под потолком. Сейчас они работали на полную мощность, засасывая дрожащие туманности голубого дыма разнообразного происхождения прямо в мощный жидкостный фильтр.

Что самое странное – барак стоял почти в центре города, в промышленной зоне, где полно было заброшенных автомастерских и заросших деревьями и кустами ангаров. Здесь царили какие-то запутанные права собственности, и даже строители не могли сюда добраться. Наверняка в лучшие времена вся эта территория в любом случае пошла бы под застройку, но сейчас времена были не из лучших, и по всему городу хватало ожидающих клиентов пустырей.

Официально в бараке размещалась художественная мастерская и галерея, а его арендатор, хозяин сегодняшнего вечера по имени Сатурнин, походивший на нечто среднее между Распутиным и Носферату, мог спокойно существовать в диком анклаве в десяти минутах от центра, на краю парка. В подсознании местных жителей эта территория была подобна слепому пятну – нулевая зона за скобками реальности, заброшенные задворки чего-то расположенного между автострадой и парком.

Идеальное место для очередного мероприятия Тайного общества дегустаторов. Несколько десятков соответственно проверенных и рекомендованных людей собирались в той или иной точке города, чтобы напиться, обжираться, курить и трахаться по углам, как в старые греховные времена. Без какого-либо контроля.

Существовало несколько правил, строго соблюдавшихся под угрозой вечного изгнания из Общества. Никаких регистрирующих устройств – всех гостей обследовали старым индукционным датчиком из военных излишков, а всяческие коммуникаторы оказывались в облицованном свинцом ящике. Никаких тяжелых

и синтетических наркотиков – это уже никак не считалось всего лишь «проступком против здоровья» и могло закончиться приездом вооруженного отряда спецназа. Никаких драк (по той же самой причине). И никаких трезвенников, вегетарианцев или прочих пассивных участников дегустации, даже в качестве сопровождающих лиц.

Кроме того, от каждого участника ожидался личный вклад в дегустацию – лучше всего нелегальный или нелегального происхождения. Приветствовались алкоголь и домашние копчености, а также мясные блюда. Табак и прочая трава – тоже.

Больше никаких правил не было.

Кроме одного, очевидного для всех: никаких фамилий.

Миновал первый этап ужина, и он постепенно превращался в шумное беспорядочное столпотворение. Толпа людей, из которых Норберт знал немногих и еще какую-то часть мог узнать в лицо, разделилась на группы в помещении величиной с ангар, где единственной мебелью были уложенные вокруг столиков из ящиков импровизированные сиденья из пластиковых упругих мешков, заполненных чем-то зернистым, и стоявшие где попало скульптуры авторства Сатурнина.

Человекообразные, собранные из лома и старой электроники, они напоминали последствия проводившихся в мастерской жутких медицинских экспериментов. Некоторые даже иногда двигались, усиливая сюрреалистичную атмосферу.

Норберт водил по ним пьяным взглядом, постепенно приходя к выводу, что это попросту хобби, являющееся прикрытием для извлечения редких металлов из проводов, контактов и соединителей. Размахивая удостоверением художника, Сатурнин мог рыскать по охраняемым свалкам, а если в рамках творческого процесса у него оставалась пара сотен граммов разыскиваемого сырья, это была чистая прибыль. У Норберта не умещалось в голове, что кто-то захотел бы купить такое механически-электрическое шипастое чудовище, заплатить, а потом еще каждый день видеть его перед собой.

Обычно монополией на восстановление металлов и модулей обладали китайские фирмы, как и почти на все остальное.

Никого из близких знакомых Норберт не встретил, и, честно говоря, сперва у него не было желания идти на это мероприятие, но он все же заставил себя выйти из дома.

Три дня он отсыпался, пытаясь выбросить из головы резню у фонтана возле Бурдж-Халифа, выполоскать сновидения от крови, а жилы – от избытка адреналина и вернуть себе утраченное душевное равновесие. Он почти не выходил из дому, не включал почту – просто пил, спал, ел, спал, смотрел избранные программы по ТелеНету, слушал музыку, снова спал, постоянно мучимый неопределенной тревогой. В конце концов, до него дошло, что он боится возвращаться в мир. Средства к существованию у него имелись, и в итоге он превратился в отшельника.

Следовало возвращаться к людям – то была его стихия. Здесь проплывала информация, обменивались сплетнями, можно было предвидеть ивент. Следовало находиться в движении. В городе. А он тем временем замыкался в собственной раковине, словно моллюск, и начинал все сильнее сжимать створки.

Отхлебнув глоток казахского виски, он вернулся к разглядыванию мелькающих в толпе женских лиц. Он вовсе не искал Каролину – в этом не было никакого смысла, к тому же она никогда в жизни сюда бы не пришла. Он искал вдохновения. Мотивации.

Надежды.

Кого-то, кто позволил бы ему проснуться и начать все заново.

Он направился вдоль длинных складных столов, заполненных одноразовыми подносами из прессованных отрубей, на которых громоздились груды старомодной еды, словно в каком-то историческом фильме: свернутые в круги жирные, пахнущие ольховым дымом колбасы, розовая соленая ветчина, нарезанная толстыми пластами с полоской белого, тяжелого от триглицеридов свиного жира, черная колбаса с фаршем из свиной крови, гречки и рубленой печени. Будучи лишь слегка подвыпившим, он ел не спеша, бродя в чужой толпе словно призрак-социопат. Ему казалось, будто он дрейфует в полосах дыма, поднимавшегося из разнообразных ингаляторов, кальянов, в которых яблочный дым фильтровался сквозь жидкость, бывшую как минимум наполовину чистым спиртом, и от гриля, который соорудил лично хозяин из самых разных, уже

неузнаваемых элементов. Кто-то украдкой выжег уголь где-то в деревне, чтобы устроить это доисторическое запрещенное развлечение, и теперь можно было обжаривать шкварчащие куски мяса, насаженные на мокрые бамбуковые палочки, и целые четвертинки цыплят, с которых стекали в угли капли жира, вспыхивая короткими огоньками, словно миниатюрные зажигательные снаряды.

Того, кто стоял у гриля, Норберт знал.

Осака.

Худой, лысый, как бильярдный шар, с псевдомаорийской татуировкой на темени. Насколько было известно Норберту, он работал в каком-то подозрительном ресторане высокой кухни, где возводил на больших тарелках пространственные композиции из жареных сверчков, лягушачьей икры, фруктовых макарон и овощной пены, все это величиной с бокал и по кило евро за порцию. А теперь он стоял тут, с самокруткой в уголке рта, опоясанный тряпкой, и длинной вилкой тыкал в шкварчащие варварские куски мяса, поливая их струей испускающего клубы пара пива.

– Фокус! Сколько лет, сколько зим! Так ты живой?

– Привет, Осака. – Вид знакомого лица обрадовал Норберта, ибо он уже был сыт по горло осторожными, зондирующими почву светскими беседами с чужаками. «Да так, неплохо развлекаюсь... (Лишь бы не сказать о себе чего лишнего.) Знаешь Мишку? Пробовал свиную шейку? Зашибись! Ну, пока!»

– Уезжал куда-то? – спросил Осака. – Тут пара человек про тебя спрашивали. Я пробовал послать тебе мейл, но тебя как отрезало.

– Да, в общем... сидел слегка на мели. Но уже возвращаюсь к нормальной жизни, – объяснил Норберт.

Взяв металлические щипцы, Осака начал один за другим переворачивать куски мяса молниеносными движениями жонглера, словно занимался этим всю жизнь.

– Держи. Этот хороший. Говядина породы «красная польская». Маринад с терияки.

Норберт подставил тарелку и начал жевать. Осака стряхнул пепел прямо на угли, хотя и подальше от мяса, и отхлебнул пива.

- Мне почти нечем было вложиться, так что приходится стоять тут. Впрочем, никто не умеет прилично этого делать. Гибнущее искусство.

Норберт пробурчал что-то с набитым ртом и уважительно кивнул. На встречах Тайного общества дегустаторов надлежало дегустировать – и обязательно хвалить, вне зависимости от того, что это было. Таковы были правила хорошего тона. Но мясо оказалось и впрямь неплохим.

Осака осторожно огляделся по сторонам.

- Тут есть один тип, который хотел с тобой поболтать. Без посторонних. Чую, что у него может найтись для тебя ивент.

- Наверняка свадьба сестры, – ответил Норберт. – Всегда кто-нибудь может опрокинуть овощной торт.

- Может, и так. Только он мне показался каким-то напуганным. И рассерженным.

- Ах, вот оно что... Он хочет, чтобы я вывесил в Сети, как его шеф выбрасывает огрызок не в тот контейнер?

- У тебя что, слишком много работы?

- Поговорить можно. Просто как-то не хочется в итоге записывать, как кто-то поджигает себе кишечные газы.

- По нему не похоже, чтобы ему хотелось стать душой общества.

- Кто он такой?

- Он здесь, просто я его что-то не вижу в этой толпе. Закончу обслуживать – поищу. Приятель, можно сказать коллега, только кастой пониже. Официант. Слышал название «Императорская пагода»?

– Китайская забегаловка?

– Не из тех, что продают навывнос. Три самых верхних этажа Ляонин-тауэр. Две мишленовских звезды. А у отеля больше звезд, чем на флаге Европы. Любимый банкетный зал для высокопоставленных китаез, всяких бизнесменов, русских олигархов. Спринг-роллов там не купишь. Это для тех господ, которым в салоне «мерса» приходится объяснять, что на сиденья пошла лучшая кожа с двадцати коров. Думаешь, для такого утка в глазури из мальтозы, завернутая в рисовый блин, – вершина счастья?

– И он там работает официантом?

– Что-то такое говорил. Он вообще немного робкий. Потому и прозвали Робсон.

Потом Норберт сновал по залу, словно привидение, – с кем-то разговаривал, с кем-то танцевал, кто-то угостил его чистой водкой. Помещение застилала полоса дыма, выхватывая разноцветные лучи лазеров, в анархистском ритме грохотал этно-панк, какая-то довольно симпатичная девушка стащила футболку и танцевала на сколоченном из бамбукового транспортного поддона столе, обливаясь чем-то красным, стекавшим по ее силиконовым грудям словно струи крови. Люди вокруг верещали и слизывали с нее жидкость, а Норберт смотрел на них, охваченный внезапным ужасом, – он видел лишь ползущих во все стороны, забрызганных кровью людей в дишдашах и слышал визг автоматов Коробова.

Потом он сидел в одном из гнездышек, составленных из сидений вокруг транспортного ящика из стекловолокна, изображавшего столик, по крайней мере не один. Его окружала компания нескольких пар, в которой он был единственным одиночкой, но тем не менее.

Робсон оказался худым смуглым брюнетом с зачесанными назад блестящими, словно уголь, волосами. Лицо его было напряжено, как у человека, которому очень хочется выпить, но алкоголь не в состоянии пробиться сквозь слой адреналина в его крови. Все им проглоченное попросту сгорало как ракетное топливо, не оказывая никакого действия на нервную систему, вследствие чего он выглядел как крыса под кислотой.

– Это ты Фокус? Осака мне тебя показал, – не ожидая подтверждения, он поставил на серо-зеленую поверхность бутылку и два бокала, а затем добавил к ним открытую пачку «Цзиньлиня». – Я Робсон. Видел тебя у Пингвина. И в «Гараже».

Норберт молча кивнул. Похоже было, что его знает больше людей, чем известно ему самому. Что-то в этом роде он подозревал уже давно.

Робсон осторожно погрузился в сиденье из резинового мешка, проваливаясь в загадочные шарики. Острые колени в черных брюках торчали, словно горные вершины. Норберт бесцеремонно потянулся за его сигаретой.

– Что за ролики крутишь?

Норберт затянулся дымом, пахнущим волосами китайского металлурга.

– То есть?

– Ну... как это там делается? Ходишь по улицам с включенной аппаратурой и ждешь, пока... ну, не знаю... Кто-нибудь попадет под трамвай?

Его об этом уже спрашивали. Десятки раз.

– Примерно так, только я иду туда, где что-то может произойти.

– А откуда ты об этом знаешь?

Норберт наклонился к Робсону.

– Посмотри на танцпол. Видишь ту пару? Рыжая, высокая, с пирсингом на лице, и парень в черной куртке с голограммой?

В ангаре было уже почти темно, светились лишь остатки угля под грилем, огарки на столиках и единственный прожектор, направленный на середину танцпола. Те двое жались друг к другу на границе тени, но видно было, что танец уже сменился неким подобием предварительных ласк.

– Ну вижу.

– В ближайшее время кое-что произойдет. Выйди наружу, найди самое темное местечко где-нибудь в кустах, которое можно обнаружить сразу же по выходе из барака, а потом встань так, чтобы самому быть в тени, выставь усиление отраженного света на семьдесят шесть процентов и тысячи четыре чувствительности. А потом подожди, и наверняка что-то случится.

– И вот это и есть ивент?

– Дерьмо, а не ивент. Какой-то типчик трахает бабу впотьмах? Не пойдет, разве что удастся продать шифрованным порносайтам. Хотя для них это слабовато. Мог бы быть ивент, если бы этот мужик или эта баба оказались звездами ТелеНета. Ивент для старьевщика, который только считает заходы. Это всего лишь пример. Ситуация, в которой что-то может случиться. Будь тут ее парень, история вышла бы еще интереснее.

– То есть ты такое не снимаешь? – Робсон был явно разочарован.

– Слежу ли я за звездами сериалов, чтобы поймать их на том, что они пьют пиво в присутствии детей? Нет. Я стараюсь снимать то, на что будут заходы, ибо я с этого живу, а еще то, что одновременно является чем-то важным, существенным. То, что может рассказать людям о мире, в котором они живут.

– Типа что-то воспитательное? «Пьяные польские водители»?

– Господи, нет. Умоляю. Именно существенное. Как-то раз я заснял нелегальных шахтеров в Силезии, которые самостоятельно добывали уголь. В них стреляли. В меня тоже.

– Ведь угля уже больше нет. Впрочем, он все равно запрещен. Эмиссия углекислого газа.

– Вот именно – нет. А эти ребята вытаскивали его ведрами из штольни, которую выкопали вручную. Ну... почти вручную. Одного ранили в кадре. Ивент удалили с сервера через шесть часов, но, если бы не это, к утру он имел бы два гига заходов. Такова была динамика. Меганавтам хотелось увидеть, как парень

получает пулю, а в итоге они поняли, что все это происходит из-за топлива, которого якобы нет. Тогда мне не повезло. Наверняка есть новостные каналы, на которых этот ивент продержался бы дольше. – Норберт задумался. – Контрабанда мусора. Вот, например, тема.

– Как это – контрабанда мусора?

– Для тебя мусор – целая проблема. Тебе приходится его сортировать, мыть, платить кому-то, чтобы его забрали. Но для кого-то другого мусор – товар. В электронных контактах есть металлы, даже золото. Мало, но – зернышко к зернышку... В мире осталось совсем немного золота, так что, оказывается, вполне выгодно нанимать людей, которые будут сидеть над горелками и его извлекать. Есть стекло, пластик, есть редкие металлы, биомасса, из которой можно сделать удобрения и метан. Мусор можно использовать как естественные месторождения – нужно лишь располагать дешевой рабочей силой. И потому его контрабандой переправляют через границу. Но чтобы это показать, нужна не только тема. Те времена давно прошли. Нельзя просто снять об этом фильм, поскольку его почти никто не посмотрит. Нужно сообразить, каким это может сопровождаться ивентом. Максимум пять минут, а лучше три. Множество событий. Что-то сильнодействующее. Кровь. Эмоции. Все такое. И тогда заодно ты можешь показать людям, сколько на самом деле стоит их мусор, и как так получается, что им приходится платить тому, кто этот мусор у них забирает.

Робсон глотнул водки и задумался с таким видом, будто собирался прыгнуть с вершины водопада.

– А ты мог бы заснять разных шишек, политиков, олигархов, как они хлещут водку и, например, едят панду?

– Что-что едят?!

– Гигантскую панду, зажаренную целиком на вертеле, не помню, с яблоком во рту или нет. Ну, знаешь – такой черно-белый мишка, символ вымирающих видов, эмблема Фонда дикой природы?

– Слушаю внимательно, хотя у меня зарождаются сомнения. Сколько их осталось? Пятьдесят? Насколько мне известно, за убийство этого создания в Китае полагается расстрел. Не представляю себе, как такое можно вообще

раздобыть. Но, повторяю, – внимательно слушаю.

– Логика, Фокус. Какое самое дорогое блюдо в мире?

– Астраханская икра? Я в этом не особо разбираюсь.

– Нет-нет. Вообще самое дорогое. Теоретически. Вне зависимости от реноме шеф-повара, который его приготовил, и класса ресторана. Я про самый дорогой ингредиент.

– Я же говорил – я не разбираюсь в эксклюзивной кухне. Как-то раз ел омара, но не более того. Оказался вполне неплох.

– Подумай. Самый дорогой ингредиент, который труднее всего добыть. Почти невозможно.

– Любовь?

– То, чего нельзя достать. То, что охраняется.

– Давай сначала, а то я начинаю путаться. В твоём ресторане подают панду?

Робсон вздохнул.

– Ясное дело, что не в ресторане. Думаешь, это блюдо дня? Есть зал на самом верхнем этаже – Яшмовый, не помню, как это будет по-кантонски. Банкетный зал для ВИПов. Чаще всего его снимают китайцы, высшего уровня. Для них ужин, который они устраивают для партнеров по бизнесу, – демонстрация собственного могущества.

– И сколько стоит такой ужин на несколько десятков персон?

– Ты бы всю жизнь не расплатился, но их могущество не в этом. Просто швыряться деньгами мало. Впрочем, ты что, думаешь, это все какие-то утонченные... ну, не знаю... принцы или еще кто? И они знают имена знаменитых шеф-поваров? Или их удивит закуска из редких и эксклюзивных ингредиентов, о которых они никогда не слышали? Но если хозяин вечера в состоянии заказать

посреди гребаной Европы блюдо из тигра, то это, наверное, произведет впечатление?

- Тигр?! Он вообще съедобен?

- Это необязательно должно быть вкусно. Это должно быть нечто дорогое, такое, что невозможно достать, скандальное и нарушающее всяческие правила. Если некто подает тебе на ужин панду, стейк из кита, дельфина или тигра - значит, он может все, соображаешь?

- Ясное дело, соображаю, только у меня это как-то в голове не укладывается.

- Так как, берешься?

- В смысле? Что ты хочешь? Дать мне приглашенный билет?

- Дашь мне аппаратуру, а я сниму. Ты продашь, и поделим деньги. Поровну.

- Отпадает. Забудь. Без вариантов.

Робсон стал похож на остолбеневшего хорька.

- Что такое? Ведь...

- Ты не умеешь. Все испортишь и сразу же попадешься.

- Любой умеет. Даже дети.

- Дети снимают, как кто-то падает с велосипеда, или как какой-нибудь перебравший псих пытается улететь с балюстрады балкона на юг. «Таофэном» за один евро, и чаще всего случайно. Там же охрана и мониторинг. Вам разрешают иметь на работе омнифоны? Какую-нибудь электронику? Нет никаких рамок, сканеров? Ты сумеешь отснять материал так, чтобы никто об этом не знал? Одновременно наливая водку из холодильника Ким Чжон Хака, подавая тарталетки с яйцами птицы додо и улыбаясь гостям? Одним глазом глядя на мир, а другим в видеоискатель камеры? Управляя жестами так, чтобы никто ни о чем не догадался?

- То есть ничего не получится?

- Что не получится? Тебе просто нужен профессионал, вот и все.

- А ты как это сделаешь?

- Точно так же, как трахаются ежики.

- Что?

- Ну... осторожно. Это уже мое дело. Есть способы, только ты должен меня туда внедрить.

- И как же?

- Как официанта, помощника или как это там называется. Вы никогда не берете на подмену людей с аутсорсинга, из какого-нибудь агентства или еще чего-нибудь?

- Только не в Яшмовый.

- Подумай.

Робсон уставился куда-то в пространство, морща брови, покачал головой, а потом вдруг на какое-то время окаменел.

- Кто знает... попробую позвонить в пару мест. Может, и выйдет. Да что там, все равно меня вышвырнут под зад.

- Ладно, сейчас мы ненадолго выйдем, включим омники, и я перешлю тебе визитку. Правила таковы: если сумеешь меня внедрить на подобное мероприятие, я сделаю материал. Насколько это выполнимо, и стоит ли качество ивента такого риска, решаю я. Мы не знакомы и не общаемся. Впрочем, ты все равно не будешь знать, снимаю я или нет. Если ивент получится, я его вывешиваю. Если он пойдет и наберет пять кило заходов, получишь обычную ставку информатора - пять кило евро. Если заходы превысят мега, получишь

премию – пять процентов. Таковы правила в этой профессии. Берешься?

Робсон надолго задумался, вновь сверля взглядом забитую народом темноту зала.

Норберт закурил, внимательно наблюдая за ним и ища признаков какой-либо фальши, провокации или обмана, заученных жестов, заранее заготовленных реакций.

Похоже было, что Робсон в самом деле размышляет, высчитывая возможный риск. Все в его позе и мимике говорило о нерешительности и взвешивании шансов. Либо он был вдохновенным актером, либо действительно говорил правду.

– Сейчас не могу сказать, получится ли, – наконец сообщил он. – Это примерно как внедрить тебя в операционную. В дорогой черной клинике.

– Ясное дело, – успокоил его Норберт. – Я просто спрашиваю, устраивают ли тебя такие условия. Берешься или нет?

Робсон судорожно сглотнул.

– Берусь.

– Хорошо, – кивнул Норберт. – Теперь у меня к тебе пара вопросов. Первое – в чем, собственно, дело?

– В смысле?

– В смысле – в чем дело помимо того, что ты боишься потерять работу и заодно хочешь заработать пару евро?

Робсон прикусил губу, молча вертя в пальцах рюмку. Норберт налил ему водки и пододвинул блюдце с огурцами и мелко нарезанной охотничьей колбасой.

– Мне нужно знать, – объяснил он. – Я должен понимать, во что ввязываюсь.

– Меня уволят из-за одной бабы, – выдавил Робсон. – Министра. Кажется, здравоохранения и соцобеспечения. – Он замолчал, а потом снова начал, как бы с другой стороны: – Эти самые панды и прочее – лишь часть всего. Они там чувствуют себя безнаказанными, в своем кругу. Решают свои дела, заключают гуаньси, то есть договоры, и там нет никакой прессы, никаких людей извне, никаких свидетелей. Только мы и стриптизеры. Скажем так... для услады глаз. За нас ручается господин Ву, за них – их агентство, которое и так обслуживает политиков и больших начальников.

– А этот... господин Ву? У него нет там своей слежки? Ему не хочется иметь их всех на крючке? Странно для китайца.

Робсон покачал головой.

– Нет. Это часть договора. Охрана каждый раз проверяет все помещение. Иначе ничего бы не вышло. Господин Ву хотел создать действительно интимное место, для избранных. Впрочем, даже если бы что-то и утекло, ему бы вряд ли что-то грозило. Именно он организует все развлечения.

Норберт кивнул.

– А ты еще хотел сам снимать. Ясно же, что ты должен оказаться в кадре.

– Я?!

– Где-нибудь на фоне. Должно быть видно, что снимаешь не ты. Иначе господин Ву найдет тебя методом исключения и приготовит из тебя фуа-гра. А ваше присутствие им не мешает?

– Не будут же они сами себе готовить напитки. Они привыкли, что вокруг есть какой-то персонал, и даже не обращают на это внимания. Суть в том, что нас вообще не видно. Мы словно мебель. Если бы ты спросил кого-то из них про стюардов, официантов и прочих, он бы крайне удивился. Бокалы наполняются сами, закуски тоже просто есть. Разве что если им вдруг ударяет в голову, и тогда становится опасно. Ты можешь слишком многое увидеть, или с тобой захотят развлечься. Представь себе, что ты попал на встречу мафии или триады, только полностью безнаказанных. Особенно там, в Яшмовом зале. А они порой творят такое, что у обычного человека в башке не умещается, – Робсон махнул

рукой, показывая на скрытый во мраке ангар за их спинами. – То, что тут, – детский праздник. Бинго в доме престарелых.

– Ладно, – сказал Норберт. – Придумай, как я могу туда попасть в роли официанта, помощника или еще кого-нибудь. По возможности легально, чтобы твои коллеги не подняли шум, увидев меня. И чтобы мне не пришлось жонглировать бутылками. Еще неплохо было бы взглянуть на тот зал, когда он пуст. Подумай об этом. На связи.

? ? ?

На следующее утро он проснулся поздно, с тяжестью в желудке и голове, размышляя над тем, во что, собственно, ввязался.

Он заставил себя проглотить чашку кофе и гренки с домашним клубничным вареньем, приготовленным из нелегальной несертифицированной клубники, а не из свеклы с клубничным вкусом.

А потом он понял, что адреналин начинает брать над ним верх.

Ивент. Настоящий, приличный ивент, который может потрясти Сеть.

Но – панда?!

Сев в кресло, он отрегулировал спинку и подлокотники, после чего одним жестом опустил голодисплей, а другим разбудил молоха МегаНета.

В обычных поисковиках информация на тему отеля на верхних этажах Ляонин-тауэр и ресторана «Императорская пагода» оказалась именно такой, как он и ожидал, – множество рекламно-корпоративной бессмыслицы и целые полчища страниц, испещренных колонками иероглифов без перевода на какой-либо человеческий язык. Вращающаяся голограмма небоскреба Ляонин, сверкающий мрамором и полированной латунью вестибюль, напоминающий надгробие нового богача, номера в пастельных тонах с мебелью ручной работы из черного дерева и палисандра, сверкающий шелк постельного белья, орхидеи на подушках. Очередные залежи мрамора, оникса и хрусталя в ванных комнатах.

Наконец – ресторан, но никаких фотографий Яшмового зала, даже никаких упоминаний, по крайней мере в англоязычной части. Он жестом запустил переводчик, но бессмыслица, сменившая гущу китайских знаков, не содержала никаких ключевых слов. В каком-то месте нашлось лишь «ванна, один кусок яшмы», но ему было нужно не это.

В ресторане он ожидал увидеть круглые резные двери, разукрашенных собакодраконов, лакированные ширмы и бумажные фонарики, но с тем же успехом он мог ожидать блюд в коробочках из крахмала навynos. Интерьер был заполнен стеклом, камнем и деревом в постмодернистском, новокитайском стиле – своего рода восточная «Икеа» в версии турбо. Драконы, иероглифы и веера там тоже имелись, но скорее предполагаемые, скрытые под покровом стилизации в виде света, оттенков красок, матовых следов на хрустальном стекле. Он провел среди виртуальных интерьеров два часа, но ему не удалось получить больше никакой информации, кроме того что награжденного мишленовскими звездами шеф-повара зовут Станислав Орунга-Д’Орсай.

Закрыв обычные поисковики, он запустил «Ви-Вотч» – хакерский нелегальный поисковик, который, в отличие от прочих, не скользил по поверхности данных, ища обычные тэги, но углублялся в слои скрытых сущностей, неявной и конфиденциальной информации, недоступной простым смертным. Имевшаяся у него версия программы была трехмесячной давности, так что не имело смысла атаковать с ее помощью действительно охраняемые данные и защитные программы, военные сети или файрволы правительственных организаций. Он лишь надеялся, что все еще не оставляет после себя никаких следов.

Единственное, что ему удалось получить, – немного личных голограмм и фотографий, увековечивавших различные события в отельных номерах «Пагоды» и панорамный вид крыши отеля с террасой и пентхаусом, в котором, предположительно, скрывался Яшмовый зал. Затем он натравил «Ви-Вотч» на местную пожарную охрану, получив пространственную схему эвакуационных путей отеля и ресторана. Программа работала значительно дольше, чем обычные поисковики, поскольку копала глубже и вынуждена была ломать защиту, подделываясь под пользователей с соответствующими правами и легальные передачи данных. Но во внутреннюю сеть пожарной охраны, которой явно недоставало инвестиций, она вошла словно в разогретое масло.

Сбросив схемы на один из своих тайных аккаунтов в информационном облаке, Норберт вышел из Сети.

А потом он расстегнул сумку со своей аппаратурой и разложил ее содержимое на столе перед собой – рядами, словно детали некоего странного оружия. Возможностей имелось множество, только все они требовали управления. Омнифона. Универсального контроллера для всего, иметь который при себе он не мог.

Задумчиво выпустив облачко пара из киберетки, он прошелся по комнате, глядя на разложенный на столе арсенал записывающих устройств, камер и сканеров с других ракурсов, словно это могло дать хоть какой-то ответ.

Однако он знал, что скомбинировать ничего не удастся. Матовый с фуллереновым покрытием плоский прямоугольник был и ключом, и замком. Без него Норберт чувствовал себя как без рук. С тем же успехом он мог взять с собой блокнот и карандаш.

Ответ напрашивался только один: Механик.

Проблема с Механиком заключалась в том, что того не существовало. Он не был нигде прописан, никто не знал его фамилии. У него отсутствовал счет в банке, электронный адрес, номер налогоплательщика и личный номер гражданина. То есть какой-то наверняка имелся, но каждый раз другой. Никто не знал, где он живет.

Механик был чистокровным, сертифицированным политическим параноиком. Он коллекционировал теории заговора и почти во все из них верил. Кроме постоянного обитания в серой зоне, он, вероятно, не совершил никакого настоящего преступления, и тем не менее жил так, будто его объявили в международный розыск.

С таким, как Механик, невозможно было встретиться. Связаться с ним тоже было нельзя, как и отправить сообщение. Он пользовался устройствами с купленными на черном рынке предоплатными картами и менял номера как перчатки.

Имелся только один способ – сделать так, чтобы Механик сам захотел выйти на связь. Осторожно потряхнуть Сеть и ждать, пока паук сам не появится.

???

Норберт потратил впустую два дня, путешествуя по городу и посещая места, о которых знал, что Механик там бывает или по крайней мере бывал, – нелегальные забегаловки на чердаках и в подвалах, магазины армейских излишков, подсобные помещения киберломбардов и рынки подержанного компьютерного железа.

Он посетил «Балисонг-бар» в жестяном бараке на тылах «Азиан-Гросмаркет», где, по мнению Механика, подавали лучшие закуски-димсам в городе, и какую-то подозрительную кальянную, где якобы жарили настоящий кебаб из неклонированной баранины, располагавшуюся в неприглядном подвале, похоже, переделанном из котельной, и где он пытался не подавиться мясом в пылающем соусе харисса, завернутым в пшеничный блин, под взглядами бородатых, неприятно знакомых мужчин. Он побывал в заброшенной промзоне, засыпанной щебнем и разгороженной дырявыми, словно решето, залами из стали и бетона, где устраивали сражения дронов и турниры по пейнтболу.

Два дня, проведенных во всевозможных притонах, среди странных людей с изуродованными модным пять лет назад боди-артом лицами, – два дня, в течение которых он оставлял везде неприметные следы. Следовало соблюдать осторожность, не спрашивая кого попало, чтобы не походить на шпиона, не допытываться чересчур навязчиво и выделять тех, кто тоже мог бы искать Механика, только по совсем другим причинам, а также различать субкультуры, помня, где Механик был Механиком, а где его знали как Визарда, Апроса или Саботажа.

– Я его давно не видела. – Немолодая готесса со шрамами и следами от удаленной стилизации, у которой от вампирского образа осталась болезненно-синяя кожа и остатки биолюминофора в светящихся фосфорическим блеском радужках.

– Наверняка сидит. Я так слышала. За политику. – Болезненно-худое лицо, вместо волос – пересаженный зеленый пушистый мох, пронизанный тонкими нитями грибниц. Подрагивающие зрачки, на шее свежий пластырь с нейрольдом, имитирующий осмотический дозатор-антиоксидант.

– Наверняка в конце концов заразился. Или женился. Сюда он больше не приходит. – Тигрица, а вернее, катастрофа боди-арта в облике тигриной морды. Черная верхняя губа с разрезом до превращенного в трюфель носа, ранящие язык полимерные клыки, вертикальные зрачки. Вместо шерсти – желто-черная татуировка. Острые, наполненные коллагеном уши.

Механик и супружество? Ну да, конечно.

Заразился?

Наверняка новейшим вирусом лиссабонки, якобы паразитирующим на тунцах. В первые дни, оттаивая в своей комнате и свернувшись в клубок, Норберт не включал новости и, лишь идя за покупками, увидел первых прохожих в белых, закрывающих нос и рот масках с керамическими фильтрами. В реальном мире это был единственный след эпидемии, но местный МегаНет бился в истерике. Новости соревновались в оценках числа заразившихся и путались в противоречивых сведениях; сперва болезнь передавалась через мясо и жир тунца, затем любой рыбы, а после уже сидела в любом белке и жире животного происхождения. Она была как-то связана с гриппом, передаваясь воздушно-капельным путем или атакуя заразившихся сезонным гриппом. Ею можно было заразиться путем физического контакта, зрительного контакта, через МегаНет. Она атаковала в первую очередь стариков, в первую очередь молодых или в первую очередь детей. Вся эта история продолжалась уже недели две, и, что самое странное, в Дубае никто о ней не слышал.

Норберт сомневался, что Механик мог чем-то заразиться, но, если истерия достигла соответствующих размеров, следовало считаться с тем, что он в самом деле мог затаиться в каком-нибудь бункере, окружив себя коробками с армейскими пайками и канистрами со стерилизованной водой.

Вернувшись к себе, Норберт стал ждать, исчерпав весь свой запас идей. Пока что особого значения это не имело, поскольку Робсон тоже не подавал признаков жизни.

Единственное – он начал проверять почту, в том числе от неизвестных ему личностей. В основном это оказывался спам. В его комнате появлялись, словно призраки, полупрозрачные фигуры, пытавшиеся его поучать, указывать методы лечения, предлагать ростовщические займы, уговаривать пройти платное

медицинское обследование, всучить скидочные карты, убедить проголосовать или купить электронную валюту. Он сидел, окруженный туманной толпой орущих, тараторящих и поющих привидений самого разного вида, словно он отворил портал в круг ада, предназначенный для сумасшедших мошенников.

Каждому он давал несколько секунд, после чего одним жестом отправлял в нуль-каталог, словно вершащий быстрый суд жестокий властитель.

В числе прочего он получил целых три сообщения с некоего корпоративного адреса, утверждавшего, что тот представляет «крайне важный инфопортал». Их он стирать не стал, оставив на потом. Ему не очень хотелось заключать рабский контракт, но некая трусливая часть его разума подсказывала, что подобную возможность стоит по крайней мере рассмотреть.

Вызвав очередной аватар, он на мгновение задумался, прежде чем поднять руку и отправить его в никуда.

То была черная двумерная фигура, составлявшая неразрывное целое с черным, как смоль, плащом, в исторической треугольной шляпе, с жуткой белой маской вместо лица, нижняя часть которой не имела рта, лишь расширяясь, словно лемех парового локомотива. Фигура стояла слегка расставив ноги, словно пятно поглощающей свет черноты, а над ней сиял короткий логотип: ДЕ СЕЙНГАЛЬТ, УСЛУГИ МЕХАНИКА.

Махнув рукой, Норберт отослал в преисподнюю все аватары, кроме этого одного, и свернул другие открытые окна.

Черный субъект в маске извлек из-под плаща руку в белой перчатке и выставил ее вперед ладонью вверх, будто держа поднос. Над сверкающей белизной его пальцев появился вращающийся символ, напоминавший банан с двумя перевернутыми мисками на концах. Норберт понятия не имел, что это должно означать, но, как и любой другой, прекрасно узнал древний значок голосовой связи.

Символ медленно вращался, пульсируя зеленым светом.

Канал активен.

Наклонившись на стуле, Норберт ткнул пальцами в сторону символа.

Фигура продолжала стоять неподвижно, но перед ней появился матовый черный экран, обведенный светящейся оранжевой линией. Внутри возникли ряды молниеносно сменяющих друг друга цифр кода, а под ними поползла полоса состояния.

Появилась надпись: «ПЕРЕДАЧА ЗАЩИЩЕНА», а затем таймер начал отсчитывать назад пятнадцать секунд. Белая маска поднялась, взглянув на Норберта черными, как колодцы, глазницами. Раздался звенящий, искаженный вокодером голос:

– Выключи все в квартире, даже кофемашину и свой омник, и открой дверь. Не прикасайся к домофону.

Фигура отступила на шаг назад, и ее поглотила темнота, подобно мрачной водной глади.

Отключить все устройства с омнифоном на боку было несложно. Хуже с самим контроллером, который явно не мог понять подобного поведения и допытывался, точно ли Норберт не желает быть доступным для общения, информируя также, что это может означать временную утрату контакта с людьми, отсутствие сведений о действиях других и невозможность поддерживать постоянные общественные связи. Затем омнифон с отчаянием пытался удостовериться, должна ли быть закрыта также пассивная связь, что означало отсутствие возможности передачи важных данных и постоянного обновления программного обеспечения. Получив категоричный ответ, программа в гробовой тишине произвела обратный отсчет и отключилась, убежденная, что имеет дело с самоубийцей.

Отстегнув омник с ремня, Норберт положил его на кухонный стол, а затем подошел к двери и кнопкой разблокировал замки.

Дверь тут же открылась, и на пороге возник Механик.

Норберт узнал его лишь через пару секунд. Сперва он увидел черный костюм из эластика, обтягивающий, словно комбинезон конькобежца, и у него промелькнула мысль, что ему явился герой его кошмаров. Потом он разглядел

череп в странном шлеме, напоминавшем нечто среднее между головой шершня и панцирем черепахи, и скрытое до половины под зеркальной заслонкой лицо.

Раздался щелчок, зеркальная заслонка исчезла, уйдя внутрь шлема, и только тогда он увидел лицо Механика – не красивое и не уродливое, просто никакое. Тот постучал пальцем по кнопкам панели на предплечье, и сверкающая, словно алмаз, вода на его комбинезоне с тихим плеском стекла на пол, образовав лужу.

Механик приложил палец к губам и вошел в квартиру, протягивая руку за спину. Продолговатая черная сумка с бесчисленными карманами на липучках переехала наискось на бедро и живот. Расстегнув одну из застежек, он извлек угловатый серо-зеленый ящичек бронебука с эластичными предохранителями по углам.

Поставив компьютер на кухонный стол, он щелкнул защелкой и открыл экран, после чего извлек очередное устройство с пистолетной рукояткой, раскладным экраном и телескопическим датчиком, который тут же раздвинулся и начал покачиваться, словно усик какого-то морского моллюска.

В квартире царила тишина. Норберт послушно молчал, пока Механик обходил комнату, водя своим аппаратом по стенам. На экране бронебука пульсировали какие-то кривые, рядом в отдельном окне прокручивались ряды сообщений мелким шрифтом.

Закончив обход и ощупав своим аппаратом все углы и косяки, Механик сложил антенну и выключил устройство. Все так же молча постучав по клавишам бронебука, он спрятал датчик в сумку и достал цилиндрический предмет размером с небольшой термос, который поставил на пол посреди комнаты. Предмет выглядел отчасти как туристическая горелка, а отчасти как противопехотная мина – особенно когда тот внезапно с треском развернул четыре покрытых насечками кожуха, став похожим на металлический цветок. Механик снова постучал по клавишам, и из громкоговорителей Норберта полились раздражающие звуковые фракталы какотехно.

Механик выпрямился и снял шлем.

– Теперь можно, – сообщил он.

– Что можно?

– Можно безопасно разговаривать, – пояснил Механик. – Привет, Фокус. Ты вроде как меня искал?

Сняв перчатки, он бросил их в шлем и окинул взглядом комнату.

– У меня есть складное кресло, – робко сказал Норберт, открывая один из стеновых шкафов. Механик пренебрежительно махнул рукой, уселся на барный табурет у кухонной стойки и развернул в свою сторону экран бронебука.

– Кофе? Сливовица? Виски? – Норберт пытался удержаться в роли хозяина. Механик всегда повергал его в смятение – чем-то он напоминал ожившую городскую легенду, нечто, о чем ходят только разговоры, но чего на самом деле не существует.

– Настоящий кофе?

– Легальный, подакцизный. Виски настоящий, казахский. Контрабандный.

– Не пью ничего легального, – заявил Механик. – Одному дьяволу ведомо, что туда добавляют. Давай виски.

– Но ты ведь, похоже, на велосипеде?..

Механик пожал плечами и поставил на стол маленький пластиковый флакон, полный стекловидных красных капсул.

– Нейтрализуем, – сообщил он.

– Как ты вошел? – неуверенно спросил Норберт. До сих пор входная дверь казалась ему вполне безопасной.

– Мне не хотелось быть зарегистрированным гостем. Тут живет множество кули, и никто не обращает на них внимания.

Механик едва заметно улыбнулся. Он выглядел как идеальный политкорректный манекен. Черты его лица являлись математическим средним черт всех разновидностей человеческой расы. Глаза у него были темные и узкие, с небольшой монголоидной складкой, но не раскосые, нос не большой, не маленький и не плоский, рот достаточно широкий, но не выдающийся, а кожа в точности посередине между белой, азиатской и негроидной. В зависимости от освещения и мелкого грима он мог выглядеть как негр с относительно светлой кожей, как загорелый азиат, как европейский южанин или араб. Хватило бы капли пигмента для каждого глаза, напыляемого парика на блестящем гладком черепе, немного щетины, и никто бы его не узнал уже через секунду. Он был идеально средним – не молодой и не старый, похожий на каждого и не похожий ни на кого. В своем шлеме с опущенным забралом или в защитных очках он мог бы стоять на витрине магазина с велосипедными принадлежностями, и никто бы не отличил его от манекена.

Механик взял стакан, наполненный на треть янтарной жидкостью, и понюхал, а затем достал что-то наподобие шариковой ручки и опустил в стакан. Ручка пискнула и мигнула зеленым. Механик одобрительно кивнул.

– Ладно, – объявил он, вытряхивая из кевларового портсигара «цзиньлин». – Чем могу быть полезен?

Норберт протянул ему зажигалку в виде кредитной карты, выплюнувшую язычок огня, а затем все ему объяснил.

– Подытожим, – сказал Механик. – Одни шишки. Профессиональная охрана. Крайне секретное место, а ты будешь изображать работника аутсорсинга, проходящего полные нейтрализующие процедуры. Допущенного к участию, но без доверенного статуса. Система «эм-эс».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед пророк его» (арабский).

2

«Во имя Аллаха справедливого и милосердного» (арабский).

3

Аэропорт в 85 км от Парижа, в настоящее время используется бюджетными авиакомпаниями.

4

Эй ты, чего ищешь? (Фр.)

5

Второй по значению аэропорт Варшавы, в настоящее время используется бюджетными авиакомпаниями.

6

Спальный район на юге Варшавы.

7

Японский матрас.

Купить: https://tellnovel.me/gzhendovich_yaroslav/geliy-3

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)